

ЛитРес:

НАДЕЖДА
ОЖИГИНА

РУДА

ПАДЕНИЕ

СКРИЖАЛИ О ЧЕТЫРЕХ

ЛитРес: Фэнтези

Надежда Ожигина
**Скрижали о Четырех.
Руда. Падение**

«Автор»

2021

Ожигина Н.

Скрижали о Четырех. Руда. Падение / Н. Ожигина — «Автор»,
2021 — (ЛитРес: Фэнтези)

ISBN 978-5-535-11020-2

Темный маг вновь видел сны. В них Сила почти покидала его, но ее хватало, чтобы спасти, уберечь от падения и заключить в объятия. Ту единственную, которая принадлежит только ему. Отныне и навеки. Поверженный змей, бросив свою ношу, со злобным шипением уносится прочь. Тетива, пустившая стрелу в его чешую, еще звенит. Они рядом, и лишь рокот Океана – свидетель их клятвы. Но этот сон не дает покоя его душе. Наоборот, Эрей теряет контроль, его Сила выплескивается из берегов, едва не разрушая город. Он колдует во сне, не отдавая себе отчета, что это может разрушить не только столицу, но и его самого. Просыпаясь, Эрей едва жив. Его мутит, он не понимает, где он. Единственное, что его волнует – где жрица Викки? Где та, что клялась принадлежать только ему, отныне и навеки? Ее нет. Есть лишь слабость и боль. Если так пойдет и дальше, советнику придется покинуть своего Императора, вернуться в Аргоссу и быть там до тех пор, пока Темный не вернет контроль над собой. Эрей понимает, что дракон из его снов – предвестник катастрофы, способной погубить его мир. Он знает, что должен спасти не только девушку из своих видений. Его Сила должна послужить не только Императору. Но как помочь другим, если сам Темный не ведает, что творится с ним? Как спасти мир, который выбрал войну? И где должна состояться главная битва со злом? Эрей видел это место в своих снах. Но понятия не имел, что делать с этим знанием. Неужели их ждет гибель лишь потому, что Темный не совладал со своей Силой?

ISBN 978-5-535-11020-2

© Ожигина Н., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Предтеча	7
Маги Камней. День гнева и скорби	9
1. Светлый Совет	10
О пути мага Камней	19
2. Перемены	20
Сага о былой дружбе	32
3. Разговор за чашкой чая	33
Истоки вражды	44
4. Хоненское поле	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Надежда Ожигина

Скрижали о Четырех. Руда. Падение

© Ожигина Н... 2022

© ООО «ЛитРес», 2022

* * *

Предтеча

Это был сон. Наверное, сон, балансирующий на грани пророчества. Опасный сон, из тех, что принято считать дурными, но проснуться не хватало Сил, и вздохнуть не хватало Сил: Сила вдруг закончилась, будто кто-то исподволь прикрыл от него Океан, из которого все, причастные к волшбе, вольно или невольно черпали жадной ладонью.

Ему хотелось пить.

Ему хотелось жить, черт возьми, просто жить, дышать, двигаться, но змей давил, душил, выжимал из него жизнь по капле, и Седая Дева уже стояла в отдалении с ножом, ждала, тянула время, выкраивала крохи, позволяя побороться лишние секунды. Ей стало вдруг любопытно, Деве, а торопиться было некуда.

Он боролся, по-человечески жадно цепляясь за жизнь, за малейший шанс, он карабкался и извивался, скребясь ногтями о *стальную* чешую, метался, Силясь то ли разжать смертельное кольцо, то ли дотянуться до посоха.

Змей наблюдал за ним почти отрешенно, оттянув равнодушную голову как можно дальше, змей что-то шипел, уговаривал. Казалось, он не душит, держит, но держит так, что впору читать отходную молитву.

Маг снова дернулся, сшиб масляный светильник, разбив плечо, сломав ключицу. Масло пролилось, и вдруг получилось высвободить руку, скользнувшую из разодравшей кожу чешуи. Тотчас прищелкнули черные ногти, запахло озоном и гарью. Кожа, чешуя, масло полыхнули, заставляя змея в ужасе отпрянуть от огня. Маг схватил лежавший в изголовье посох, сверкнул клинок, отсекая гадине хвост, потом ударила молния, и змей с укоризненным шипением покинул сон, превратившись в пепел, запачкавший *обсидиановый* пол.

Сон поплыл, потек вязкими красками, во рту совсем пересохло. Все вокруг стало красным, потом серым, потом голова закружилась, слегка, сильнее, время и пространство потеряли значение, сознание кинуло в пропасть и швырнуло на острые *камни* боли, снова и снова, и еще...

Очнулся он в ущелье, где-то ближе к Аргоссе. Было холодно, как бывает только в горах на окраине Инь-Чианя. Он даже подумал, не в Мельтах ли очутился, но нет, он не чувл ни *каменей*, ни *руд*, запрятанных в благие недра Мельтских гор, местность была ему незнакома. Чтобы согреться, он полез наверх, карабкаясь и прыгая с уступа на уступ, стремясь вырваться из смертельного кольца сжимавшихся скал и высматривая хоть какой-нибудь источник. Ему снова стало дурно, голова закружилась, разреженный воздух царапал легкие, и хотелось пить, хотелось жить, черт возьми, просто жить, дышать, но жизнь уходила из него по капле, и там, наверху, на последнем уступе мерещилась Седая Дева с ритуальным луком. Он спешил к ней, мечтая о скором свидании.

Дева на скале натянула лук, неторопливо, вполСилы, обозначая намеренье, и совсем не смотрела в его сторону. Черные волосы разметались по плечам, ветер сорвал с них рысью шкуру, и неброский походный камзол почти сливался со скалами, точно змеиная кожа. Незнакомка пристально смотрела в небо, безнадежно кривя красивые губы. Весь вид ее выражал отчаяние, обреченность, она не верила в победу, но готова была биться до смертного хрипа.

Маг заметил, что стрелы в колчане особые, заговоренные, соединившие *руду* и *камень*. Тяжелые стрелы, неспособные пролететь далеко, короткие, но их наконечники были черны от крови, крови порченной, проклятой, желавшей лишь одного: найти подобное и воссоединиться. Найти наставшего порчу и вернуть проклятье хозяину.

Эрей попробовал заговорить, но незнакомка вскинула лук, приладив оперенье к тетиве, и, сдув непокорную прядь, крепче сжала упрямые губы. Этот прикус, этот жест и взгляд испод-

лобья не вязались с фигурой жрицы, были отняты у кого-то, взяты в поединке, они были чужие, но до боли знакомые. Маг сделал шаг вперед и снова замер, увидев наконец цель чародейки.

Змей летел по небу, тяжелый, неповоротливый, блестел чешуей в предзатменном солнце, работая мощными крыльями. Что-то мешало полету, какая-то ноша, маг не мог ее разглядеть, но чувал, что творится немыслимое и мир готов расколоться на части. Он взглянул на девушку: та натянула лук, и тетива гудела на ветру, наконечник стрелы хищно дрожал, почуяв заветную цель; ей было тяжело, как никогда, она почти умирала, но оттягивала тетиву все дальше, и Эрей подобрался вплотную.

Ухватив тонкие руки, зажав в своих пальцах, он потянул бычью жилу, вложив всю свою немалую Силу. Он растянул ее, как растягивал время, сам стал стрелой, и тетивой, и тугим деревом, сливаясь, срастаясь, плоть от плоти, кровь от крови, он жаждал попасть в цель, дрожа от нетерпения, как лучник на летнем турнире, что метит в призовое кольцо. И сердце девушки в кольце его рук билось в унисон с мертвым сердцем.

– Сейчас! – прошептал он, поймав наконечником цель. – Давай!

И она отпустила пальцы.

– Вжжж! – взвизгнула тетива, и стрела хищно рванулась вперед, а маг подгонял ее Силой, убивая преступные ветры, сметая с пути лишний воздух.

– Яяяxxx! – стрела угодила в кольцо, рикошетом пронзила когтистые лапы, вонзилась дракону чуть ниже сердца, и когти разжались, роняя ношу.

Маг увидел Кольцо, тускло сверкнувшее в лучах солнца. Он восхитился, и ужаснулся, и простился с жизнью, предвидя грядущую катастрофу, почти смиряясь, но ему хотелось пить, и жить, просто жить, черт возьми, просто дышать, жить ему хотелось смертельно! Девушка в объятьях дрожала от радостной обреченности, он не мог ее бросить, не мог убить, он крепче сжал руки, наслаждаясь мимолетной иллюзией близости, и вознес ее над хаосом и бездной, уводя в благой Океан.

А потом сон кончился, сделавшись явью.

И мир осыпался *янтарными* осколками солнца.

Маги Камней. День гнева и скорби

Велик был гнев Божий и страшна Их кара, опрокинувшая темных магов. Корчились они в агонии, выли от боли, изнывали от бесСилия, загоняемые проклятьем навеки в Аргоссу, но и до темницы мажьей добрались не все, ползли и в пути издыхали.

И вот, в общем ужасе, плаче, стенании вознеслись особые маги, подняли над головами Камни, что держали тогда в руках. И прикрыли нерастроченной Силой *каменной* всех прогневивших Богов собратьев, спасая темную магию.

Поклонились им витязи Инь-Чианя, против воли Богов понесли на руках умирающих, истощенных, обреченных на *рудную* клетку некогда могущественных наставников и мудрых учителей своих.

И поется в сказаниях Инь-Чианя, как особые маги, Сильные, со слезами вскрывали священные Камни, убивая в Них друзей и советчиков, и пели *обратные* формулы, насылая на мир природные хвори, трясения тверди и ураганы, чтоб напитать *каменной* Силой обесСилевших соплеменников.

И когда все Камни были убиты, и слезы пролиты, и жертвы отданы, и когда даже самых слабых принесли в границы земель дозволенных, в сумасшедшую Аргоссу на краю мира, где они смогли дышать, жить, колдовать, – собрались на совет особые маги, ставшие в одночасье магами Камней, осмотрелись. И ужаснулись увиденному.

Мало что уцелело в мире, в котором воевали с Разумными магами. Прибавилось заботы Богам. Устыдились маги Камней, искренне опечалились.

И поклялись, встав в зачарованный круг, призвав в свидетели Руду и Камень, что не будут воевать с другими Этносомами, применяя великую Силу свою, с этого дня и во веки веков.

Давно нет тех магов Камней, принесших великую жертву во имя спасения темной магии. И погасло эхо жесткой клятвы. И пришли Последыши в земли Аргоссы. А нарушить Слово не получается.

Многое дано магам Камней. Каждый из них в одиночку может изменить ландшафт целого мира. А воюют в полную Силу они только с себе подобными.

Но что делать такому Магу, если Вечность становится пресной и скучной, если жизнь в Аргоссе обернулась пыткой, а исхода все нет и нет?

1. Светлый Совет

Муэдсинт Э'Фергорт О Ля Ласто

«Суть Вещей». История Кару. Глава о Магах Камней: зарождение, клятва, вопросы – Благие воды Океана омоют наши раны! – прошептал страстный голос, и звуки коснулись мертвого сердца, заставили дрогнуть, забиться быстрее.

Они стояли по колено в воде, лицом к лицу, не разжимая преступных объятий. Ветер ерошил ее длинные черные волосы, и они змеями обвивали шею Эрея, норовя запутаться насмерть, и голос оплетал, шептал, привораживал.

– Кровь станет общей кровью, судьба – общей судьбой, и плоть коснется плоти в назначенный срок. Тому, кто придет, нужен будет помощник, и да сбудется предначертанное звездами.

Он поднял руку и отвел прочь волосы, собрал ядовитых змей в кулак, намотал, заставляя гордую голову откинуться, и заглянул в темноту ее глаз. Там, на самом дне, среди ракушек и кораллов тайных замыслов плескалась *аквамариновая* зелень, ему хотелось пить ее жадными губами точно воду из источника *Каменной Силы*. Эту зелень, этот взгляд исподлобья, эту ломкую линию губ он узнавал под любой маской, ее близость, ее запах кружили голову.

Они стояли на стыке миров, затерявшись где-то между былью и небылью, между горами и Черной башней Столицы, и маг прижимал к себе девушку, удерживая, понемногу оттягивая от края, от гибели, от падения.

– Я не позволю тебе умереть! – сказал он, касаясь губами ее уха. – Отныне ты принадлежишь мне и останешься со мной. Только со мной!

– Отныне и навеки! – согласно шепнула она и потянулась губами к его губам, все ближе, ближе...

– Я не позволю вам умереть! Очнитесь!

Сознание возвращалось неохотно, но боль и хлесткий отзвук пощечины заставили приоткрыть глаза:

– Пить!

– Я не могу вскрыть вашу чертову флягу! Вот вода, простите, просто вода, осторожнее...

Целебная влага коснулась его губ, упала на язык, потекла по подбородку, груди, горло сделало судорожный рывок, давясь, отказываясь глотать, но справилось. Он закашлялся, почти захлебнувшись, но через миг дышать стало легче.

– Где я?

– В Башне, мой друг! – голос был другим, но знакомым. – В обсерватории. Когда случилась катастрофа, мы прежде всего подумали о вас. Хвала Единому, Цитадель устояла, и вас не завалило обломками.

– Свальд и Истерро, – он вслух проговорил имена, стараясь удержать их в сознании. Минуту помолчал, потом спросил через силу, заставляя себя думать: – Что у меня с рукой?

– Теперь все не так страшно, – в голосе Истерро скользнуло облегчение и намек на улыбку. – А поначалу ее почти не было. Очень сильный ожог, кожа лоскутами, ключица сломана, мышцы стерты до кости, всюду кровь и какой-то пепел. Что же вы такое сотворили, советник? Весь город трянуло, по центральной улице трещина, старые дома разрушены, во всех – выбиты окна.

Эрей сморщился и закрыл глаза, Сияясь ускользнуть от потока бессмысленных обвинений в тихую глубину Океана. Ему хотелось покоя. Ему хотелось спать. Но рокот Океана не принес облегчения. Там было пусто и зябко, и летел над волнами сладостный шепот... Отныне и навеки... Маг снова открыл глаза:

– Где она? – кратко спросил он.

– Она? – удивился Истерро. – Здесь никого не было, о ком вы, советник?

– Где она?

– Мы еще не получали известий от государя и государыни, если вы об этом, – не понял и Свальд.

– Черные волосы, бледная, почти белая кожа... Жрица Викки, где она? – стиснув зубы, маг приподнялся на локте, пытаясь заглянуть светлым в глаза. Его едва не вывернуло наизнанку от подступившей тошноты, комната завертелась, заходила ходуном, он упал обратно в подушки, поймав лишь удивление и осторожное любопытство.

– Здесь никого не было, – повторил Истерро, укладывая на воспаленный лоб Эрея смоленную в винном уксусе повязку. – Лежите смирно, советник. Когда мы нашли вас, вы были холодны, как *мрамор* надгробия, вам нужно время, чтобы восстановиться, вы ведь не в Сумасшедшей Аргоссе!

– Рядом с Аргоссой, – задумчиво пробормотал Эрей, отчаянно борясь с беспмятством и бредом. – Это было рядом с Аргоссой. Девушка, и дракон, и сражение. Эпицентр где-то в горах. Где-то... Княже, приснится же такое! Что же со мной творится, Княже?

– Похоже, мой друг, вы завели прескверную привычку колдовать во сне, – ответил за Каменщика Свальд, не скрывая беспокойства. – Если так пойдет дальше, вам не останется иного пути, кроме как вернуться в Аргоссу и восстановить самоконтроль. Вернее, разъяренные горожане не оставят вам выбора.

Они еще помолчали, выжидая, когда у Темного пройдет очередной приступ тошноты. Эрей закашлялся и опять запросил воды.

– Столица сильно пострадала? – едва отдышавшись после жадного глотка, спросил он.

– Все Храмы целы, устоял дворец. Центральный город подвергся малым разрушениям, лишь по бульвару теперь змеится трещина, горожане утверждают, что она ведет в самую преисподнюю, – Истерро негромко рассмеялся. – А вот трущобы Заречья приказали долго жить, и бедный люд бунтует не на шутку. Вас боятся, а потому не смеют прямо угрожать, идти на Цитадель с осиновым дреколем, но шумят и дерутся с гвардией. Святая вода в городе подорожала не на шутку, и *серебро* у ювелиров кончилось в считанные часы.

– *Серебро* против мага? Забавно.

– Кто-то распустил слухи, будто в башне вы держите монстра, огромного змея, крадущего людей для темных ритуалов, – вмешался Свальд. – И говоря по чести, среди пепла я обнаружил пару чешуек с обрывком змеиной кожи.

Эрей кивнул:

– Все верно. Это змей. Он душил меня, я опрокинул светильник и поджег свою руку, чтобы освободиться.

– Боже Ушедший! – хором ужаснулись монахи, осеняя себя Единой чертою. – Откуда вы его взяли? Хороша домашняя зверюга!

– Терпеть не могу змей, – покачал головой маг. – Где Дэйв?

Светлые переглянулись, Свальд пожал плечами:

– Сказать по правде, нам было не до него. Целькон не объявлялся, советник, а мы не искали. Должно быть, вы сами отослали его перед ритуалом, ведь цельконы также не терпят змей, сказывается волчья натура.

– Сколько дней я лежу без сознания? – задал маг следующий вопрос.

– Шесть, – вздохнул Истерро, – поверьте, при таких лекарствах и столь упорной опеке это очень-очень долгий срок...

– Почти седмицу, – оборвал его причитания маг и задумался. – Плохо дело, – наконец пробормотал он, разговаривая сам с собой, – действительно долго. Яд искали?

– Разумеется, учитывая слухи об огромной гадине. Яда оказалось немного, в основном он обнаружился в открытых ранах, на ошметках кожи, – с долей раздражения отозвался Свальд, а Истерро подхватил:

– С вашей внутренней защитой вообще сложно что-либо утверждать наверняка, советник!

– Правда, – согласился Эрей и мысленно потянулся к Аргоссе, к той области Высшей Сферы над замком, где соорудил себе магический тайник. Неуловимым жестом открыв чаропорт и выудив из множества артефактов крохотный граненый флакончик, маг откупорил его и вложил в руку Истерро:

– Мне нужна одна капля под язык, справитесь?

Светлый с волнением осмотрел флакон и уточнил дрожащим голосом:

– Это экстракт шипа глоссарха?

Эрей кивнул.

– Я... Я не смогу! Руки ходуном ходят.

– Дайте мне, настоятель, и отвернитесь от греха, зрелище неприятное! – вмешался менее впечатлительный Свальд. – Открывайте рот, любезный друг мой, раз решились, и готовьтесь к худшему.

Маг покорно открыл рот, подняв к нёбу язык, и опустил его, едва почувствовал невыносимую горечь. Он заметил, как поспешно отпрянул Свальд, и все тело скрутила судорога, он впился длинными пальцами в смятые простыни, в деревянный каркас походной кровати, его выгнуло дугой, по губам пошла пена, и распухающий язык едва не выбил стиснутые зубы. Глаза полезли из орбит, крик будто кровь пошел горлом, новые судороги сорвали мага с кровати. Он упал на пол, в холодный пепел, и затих между жизнью и смертью.

Истерро кинулся к нему, но многоопытный звездочет удержал, успокаивая как ребенка:

– Ну я же просил вас, брат мой: отвернитесь! Данный экстракт весьма опасен своей двойственностью: как многое в нашем мире, он одновременно и противоядие, и яд, все дело лишь в дозировке. А симптомы одинаковы, нужно выждать. Вот, смотрите, ему уже легче! Нашего советника и двумя каплями не убить, даже в таком плачевном виде!

Скрючившись на полу, маг понемногу приходил в себя, едва слыша наставления Свальда сквозь невыносимый гул в ушах. Виски готовы были лопнуть под натиском взбесившейся крови, все тело колотило в ознобе, но разума и Сил хватило, чтоб вскрыть вену ритуальным ножом, пуская кровь. Потом его все-таки вырвало выпитой водой, и боль, будто выйдя наружу, наконец отпустила. Он глубоко вздохнул и улыбнулся уголками губ:

– Сильная штука. Чистая. Работа на *алмаз*.

Оба светлых тотчас кинулись поднимать его. Истерро спешно принес теплой воды, они принялись отмывать измученное тело мага от нечистот, а он покорно принимал их заботы, не позволяя раздражению прорвать барьер благодарности.

– Теперь вам нужно поспать, мой друг! – приказал Свальд, готовя чистые простыни, но маг перебил:

– Теперь мне нужна моя фляга. Где она?

– У меня! – Истерро поспешно протянул бесценную вещь хозяину. – Я взял ее, пытаюсь помочь!

Маг иронически выгнул бровь, но ничего не ответил. Оправдания, идущие вперед обвинений, наводили на забавные мысли. Не разжимая губ, он наговорил заклятье, и пробка сама упала в узкую ладонь. Ввиду экстренной ситуации Эрей позволил себе два умопомрачительных глотка и улыбнулся шире, от души, отпуская миру все грехи. Светлые стояли рядом и завидовали изо всех Сил, невольно облизывая губы. Эрей не счел необходимым предложить им глоток-другой и закупорил флягу, потом упал на подушки и облегченно прикрыл глаза.

– Волей советника Императора, его наместника в городе и стране, передайте пострадавшим от землетрясения, – сонно проговорил маг, с усилием удерживаясь на плаву между сном и явью: – Все разрушенные дома будут отстроены заново за счет казны и моих личных вложений! Сзовите мастеров по дереву и начните работы, это успокоит люд и заставит терпеливо ждать. Распределите бездомных по храмовым приютам, там они не посмеют буяннить, окажите им помощь врачебную и духовную... Все.

– Последние распоряжения излишни, – пожал плечами Свальд, обращаясь к спящему магу. – Неужели мы настолько черствы душами и лишены сочувствия, что не в состоянии решить проблемы страждущих? Как же не любите вы Братство, мой бедный друг, чем мы вам так не угодили?

Ответом ему была тишина и ровное дыхание пациента. Свальд улыбнулся этой тишине и положил руку на плечо Истерро:

– Оставайтесь с ним, настоятель, я же пойду в город и возведу волю наместника людям. Хотел бы я знать, что произошло шесть дней назад, здесь и в неведомых нам горах недалеко от Аргоссы, откуда взялись змей, и девушка, и дракон. Даже из нижнего мира я слышу негодующий рокот Океана, мне страшно, но звезды молчат, отказываясь освещать грядущее, и мне тяжело, будто я ослеп и оглох. Лишь одно я знаю наверняка: нашему другу они сулят сплошные неприятности. Если только не станет ему щитом Эя Лорейна.

Свальд сжал плечо Истерро и застучал котурнами по узкой винтовой лестнице, ведущей из башни, оставив монаха сторожить сон Эрея Темного.

Уже через день маг смог самостоятельно выйти из башни, опираясь на руку монаха. Покалеченное плечо покоилось в надежной перевязке, сводящей порванные сухожилия и собранные по ошметкам мышцы. Ему чертовски не хватало Дэйва, но преданный целькон исчез, не отзываясь на магический призыв, а потому пришлось идти пешком. Неторопливо, поминутно останавливаясь, Эрей шел по улицам, а молва летела впереди него, разгоняя беспокойный люд, заставляя двери и ставни закрываться на засовы и замки. Страх парализовал полуразрушенный город, вынуждая горожан жаться к храмам Единого, ища убежища и защиты у Братства.

В гробовой тишине, ласкавшей уши, в совершенном безлюдье маг дошел до дворца, улыбаясь с грозным весельем. Подобная Столица ему нравилась, ноздри раздувались, ловя распускающий запах страха, запах добычи, покорно подставляющей выю. Столица становилась его территорией, законным логовом, и мелкому зверью, забившемуся в норы, требовалось время, немного, малая толика, чтобы выползти и пресмыкаться у его ног...

– Что с вами, советник? – осторожно спросил чуткий к чужим настроениям Истерро.

Эрей не ответил. Он знал, что так и будет, он был уверен, получив приказ Императора, что в итоге пожнет лишь страх и слепую покорность, и станет виновником всех мелких бед озлобленных горожан. Что дни его правления нарекут Темным иглом, всех детей, рожденных в этот срок, сочтут проклятыми, и все знамения – дурными. Он не мог предвидеть катастрофы и разрушения, ускоривших покорение города, но...

– Что с вами, советник? – уже настойчивей спросил монах, и в голосе его зазвенела светлая магия. – Отвечайте!

Эрей резко, по-звериному развернул к себе Истерро и прищурил злые, темные, как бездна, глаза:

– Ничего. Я размечтался, – голос был чужим, не слушался, хрипел, но от этих звуков стало легче и наваждение сгнуло.

– Похоже, вы и меня решили напугать, – осторожно вздохнул Белый брат, сморщившись, точно древесный гриб. – Если вы отпустите мое плечо, я буду бесконечно признателен.

Эрей покосился на руку монаха и неспешно разжал ладонь.

– Простите, – с насмешкой сказал он Истерро, – я помял вашу сутану.

– Вы мне чуть кость не сломали в благодарность за лечение и заботу! – укорил монах, растирая предплечье. – Что до синяков, сойдут они нескоро! А я и так похож на пугало от долгого сидения в башне! Волосы спутались, кожа огрубела...

– То ли еще будет! – ободряюще фыркнул маг и вошел во дворец, минуя окаменевшую стражу.

– Вы самый несносный маг из всех, кого я встречал! – изумленно оглядываясь и морща лоб, заявил Истерро, пока они поднимались по мраморной лестнице вестибюля в первую приемную государя. – У меня, правда, невелик опыт общения с темными магами, но среди светлых встречаются крайне неприятные личности, так вот вы...

Эрей замер на месте и жестом приказал ему замолчать. Монах тотчас смолк и еще раз оглянулся, потом как-то беспомощно взглянул на мага и кратко вздохнул, поджав губы. Темный насторожено осмотрелся, с Силой втянув в себя воздух, поудобнее перехватил посох здоровой левой рукой и спросил, не глядя на Истерро:

– Сколько еще во дворце Светлых кругов?

За их спинами явственно обозначалось синее свечение, разгораясь все ярче.

– Подождите секунду! – попросил Истерро, стискивая виски, крепко зажмурился и ответил:

– По пути в тронную залу – десять, в покои Императора – шесть, восемь на лестнице в обеденный зал, дальше сложно подсчитать, они пересекаются и дополняют друг друга.

– Весь дворец изрисовали! – попытожил маг, чувствуя нарастающий зуд под ногтями. – Чей Круг за спиной?

Истерро вслушался и слабо прошептал:

– Самого Диксота. Он вернулся в Столицу пять дней назад.

Эрей хищно оскалился и качнул головой:

– Забавно. Так передайте Диксоту, что я намерен выслушать Совет Братства в приемном покое. Диксот хочет удержать меня? Что ж, поборемся один на один.

– Исполнено, – поклонился советнику Истерро. – Простите, я не знал...

– Неважно. Но вам лучше отойти к своим.

Истерро постоял в нерешительности, но подчинился и отступил к колонне.

Маг улыбнулся уголками губ и в мощном развороте махнул посохом. Запратанная в наконецнике *руда* прорезала бесценный паркет, высекая окружность, вырисовывая Темный круг посреди широкого Светлого. Опорными вехами легли процарапанные наспех руны. Неловко придержав посох плечом, Эрей запустил пальцы в мешочек у пояса, безошибочно выбирая нужные *камни*, растирая их в мелкую пыль, и Круг вспыхнул алым пламенем, отгораживая хозяина от внешнего мира, даруя неразрывную связь с Целеной. В тот же миг в покой ворвались монахи, ведомые новым Гласом Рудознатца, ринулись на мага, но отшатнулись при виде огня.

– Итак? – с бесконечным сарказмом осведомился Эрей. – Что вам угодно, ваша Светлость?

Диксот минуту-другую собирался с мыслями, но ответил немного некстати:

– Поговорить, советник.

– Именем Рудознатца, надеюсь?

Из скопления белых сутан, заполонивших залу, потихоньку выбрался Свальд и крадучись приблизился к Истерро. Монах бросил на него вопросительный взгляд, звездочет жестом показал, что не мог послушаться Диксота, и с раскаянием посмотрел на Эрея. Магу было не до его раскаяния.

Не такая это простая задача – говорить с Гласом Рудознатца, монахом, наделенным огромной властью и опасным даром убеждать все, что способно слушать. Говорить и при этом оставаться собой, не подчиняться, не пригибать головы. Не снимать темной защиты.

Диксот покаянно склонил седую голову и не стал кривить душой:

– Нет, советник, воли Сына Божьего в том, что творится, нет, оттого я не стану поминать всуе имя Его. Я обращаюсь к вам по-братски, если хотите, по-человечески, и прошу дать всем нам отчет о том, что происходит в Столице.

– Не в вашей власти требовать от меня отчета, – покачал головой Эрей.

– Знаю, советник, потому и прошу добром: поведайте нам о том, что произошло, возможно, вместе мы сумеем распутать узлы, что вы навязали в беспамятстве. Откройте нам душу, советник!

Эрей поджал губы:

– Добром, Пресветлый, просят по-другому.

– Откуда тебе знать, Ублюдок, что такое добро? – крикнул кто-то поверх голов; маг тотчас повернулся, выискивая храбреца, и везде, где проходил его острый, точно лезвие, взгляд, монахи бледнели, осеняя себя охранной Чертою.

– Стыдитесь, Братья! – воззвал к собранию Диксот, воздев к небу белые ухоженные руки. – Не сыпьте попусту обвинениями. Советник, – снова обратился он к магу, отвлекая внимание на себя, – мы собрались здесь, вняв столам паствы, припавшей к стопам нашим в поисках защиты и утешения. Страждущие молили нас избавить их от постоянного страха, от Тени, накрывшей святой город. Старики, женщины, дети простирали к нам руки и зывали отстоять святыни, не попустить поругания Храмов поганой нечистью!

– Бред, – кратко оборвал его Эрей.

– Мы не в праве отказать молящим о помощи, скорбящим о потерянном пристанище людям, – в негодовании вскинулся Диксот, и братья во союзе загудели, словно рассерженные осы; из толпы вновь послышались злобные крики:

– Люди боятся тебя, Темный! Они отказываются идти под сень домов, отстроенных по твоей проклятой воле, им снятся кошмары, и дети болеют! По ту сторону реки началась эпидемия!

– Почему вы не там, целители? – изумился Эрей. – Какого черта?

Белые маги торопливо осенили себя Чертою и забормотали очищающие мантры. Далеко не все в Братстве разделяли мирскую философию Истерро.

Помолившись, Диксот поднял голову и без боязни заглянул Эрею в глаза:

– При болезни важно отыскать первопричину и удалить опасный вирус, спасая тело. Страдает тело государства, его разъедают страх, и болезни, и отчаяние, но нам посчастливилось, мы нашли источник заразы и теперь готовы устранить его, даже если придется рискнуть нашими жизнями.

Эрей чуть поклонился в своем Круге, благодаря за комплимент, и выжидающе посмотрел на Диксота, словно поощряя дальнейшие действия. Он был готов к войне, но миролюбивое Белое Братство предпочитало по-другому решать конфликты, а потому продолжило переговоры.

– Мы предлагаем вам, – торжественно возвестил Голос, снова воздев руки в белоснежной сутане, и широкие рукава опали подбитыми крыльями, – добровольно сложить с себя полномочия наместника, отречься от власти и удалиться в предначертанную Богом темницу, в прбк-лятую Аргоссу, где пребывать в покое вплоть до Последнего Глотка.

– И все? – выгнул бровь Эрей.

– Все, – опешил Диксот, – клянемся не чинить в том препятствий и...

Темный не выдержал и расхохотался. Смех напугал собрание сильнее угроз, настолько редко темные маги допускали открытый выход эмоций. В полной тишине гремел, отражаясь от сводов, хохот советника, заставляя монахов отступать в испуге. Наконец, Эрей отсмеялся и отер невольные слезы:

– Вам нужна власть, Диксот? Так банально? А как же обеты?

– Пойдите! – вскричал, опомнившись, Диксот. – Это вам нужна власть! Власть над страной! Признайтесь, советник, вы ведь так ловко все подстроили. Убрали потихоньку Императора, заточили в темницу наследного принца, посеяли панику в Столице, а теперь целитесь захватить Империю! Суровый край и так готов вам подчиниться, недаром вы побратались с этим варваром и вьетесь вокруг государыни! Несколько кровопролитных войн – и Светлая сторона ваша!

Он замолчал, тщась совладать с дыханием, а Эрей призадумался:

– А что? В этом есть смысл. Глас Рудознатца плохого не посоветует.

– Вы издеваетесь? – вспыхнул Диксот, раздраженный тем, что его чары не могут пробить защитный барьер советника.

– А вы? – парировал Эрей. – Страна принадлежит Императору Раду I, лишь перед ним я буду держать ответ, пока же заявляю, чтобы открыть все *камни*: я не отдам вам власть, Диксот. Ваше место в Венниссе. Мои права в этом мире малы, но вы не имеете их совсем. Я – маг Камней, и буду жить там, где хочу. Я, рыцарь Ферро и советник Императора, советую вам: уезжайте, перестаньте будоражить народ и подстрекать его к бунту.

– Вы ничего не добьетесь, – покачал головой Диксот. – Кольцо и Камень не допустят всевластия мага. Сын Императора надежно укрыт в Святой земле, вам не дотянуться до него, не уничтожить, как вы уничтожили его деда, а теперь отца, сотворите хоть дюжину хээн-гов, вам не прорваться. Я поклялся Господу остановить вас, и я остановлю! – тут Белый брат вскинул руки и открыто ударил в Темный круг Эрея, пуская в ход всю свою Силу.

В ответ Эрей прищелкнул черными ногтями, круг паркета оторвался от поверхности и поднялся в воздух. Он мог довольно долго продержаться против Диксота, его защиту нелегко было пробить, тем более светлой, внутренней магией, но он не тешил себя мечтой выстоять против Союза Светлых, да еще с больной рукой, боевой, правой, он просто надеялся уйти, прорвавшись через первый Барьер.

Диксот вновь пустил в ход Силу Голоса, ища брешь, и маг не усомнился ни на миг, что едва брешь проявится, он сам сложит оружие, падет к ногам победителя и очнется только в Аргоссе. Кратко ругнувшись, он растер в пыль *кремень* и пустил молнию в ближайшую колонну, обозначая действие, пока еще угрожая, но дворец тряхнуло от основания до крыши, и Диксот невольно отступил, вскричав:

– Ко мне, Братья во Союзе! Ударим разом, исполним волю Господа нашего, велевшего изгнать всех темных в предназначенные земли!

Светлые не посмели ослушаться, собрались и вступили в бой. Эрея основательно тряхнуло, он едва не выронил посох, адски заболела рука, но с яростью почти звериной он вновь поднялся и вновь атаковал, заставляя кусок драгоценной лепнины обрушиться на головы напавших. Диксот воззвал к Братьям, повелевая прикончить темного выродка...

И тогда, поперек его воли, его Слова выступил, заслоня собой мага, Истерро. Монах был собран, отбросив, наконец, балаганные жесты, и в приемном покое вырос охранный Щит, и Свет схлестнулся со Светом, круша все устои. Замешкавшись лишь на мгновение, рядом с ним встал отец Свальд, еще через миг сделал свой выбор Ерэм.

Диксот содрогнулся от яростного изумления:

– Как вы смеете! Против своей крови, своих братьев? Почему вы сражаетесь? За кого?

– За друга. По обычаю ордена.

Голос настоятеля вознесся под самые своды дворца, удержал готовую рухнуть колонну, укрепил, оберегая Братьев, поставил новый щит, легко разбивший атаку Диксота:

– Меня изгнали из Венниссы, – негромко, но так, что содрогнулись многие, сказал кроткий монах, – но полномочий я не передал, и Диксот лишь видимость, данность традиции, ибо никто не волен лишить подобного сана, кроме самого Рудознатца, а он не послал нам знаме-

ния. Братья, очнитесь! Внемлите Силе! Диксот не допустит подобной выходки, не осмелится бунтовать. Странно, что, ослепленные гневом, вы не отличили подмены!

Он кинул из рукава магическую сеть, но противник оказался ловчее, увернулся, теряя благую личину, и скользнул к окну. Следом тотчас полетела молния Эрея, прожгла крыло, и новая сеть, пущенная Свальдом, достала, зацепила беглеца, потянула обратно в залу. Пленный демон Воздуха рухнул, разбивая остатки паркета, и заметался, Силясь уйти. Пока все глазели на хвост и кожистые синие крылья, он смог высвободить лапу с флаконом, жидкость пролилась, образуя лужу, и пленник растворился в ней без остатка.

– Дьявол! – выругался Эрей, опускаясь на пол. – Ушел на Темную сторону!

– Как вы себя чувствуете? – подошел к нему Истерро, отчитав набор непристойных ругательств, несовместных с саном Гласа Рудознатца.

– Полным идиотом, – не стал кривить Темный. – Вам непременно нужно развить эти способности, Бабник.

– Какие? – делано удивился монах, краснея и оглядываясь на Братьев.

– Лгуна, – припечатал маг. – Потрясающий дар, не каждому дается. Впрочем, спасибо за помощь.

– Не за что, – еще больше смутился Истерро. – Я готов объяснить...

– Позже, – гневным жестом маг пресек ненужные теперь извинения.

– Помилуйте, советник, – вмешался Свальд. – Ведь это тайна ордена! И настоятель раскрыл ее, спасая вашу жизнь!

– Свободу, – поправил Эрей. – Только свободу. Вы, кажется, спрашивали, за что я не люблю ваше Братство?

Он оттолкнул руку звездочета, пытавшегося помочь, отстранил Ерэма и сам встал на ноги. Ему хотелось одного: вернуться в Башню, а еще лучше, пожалуй, в Аргоссу, плюнуть на внешний мир с его надуманными проблемами и заниматься серьезными научными изысканиями.

– Братьев можно понять! – крикнул ему в спину раздосадованный Свальд.

– Да ну? – повел плечами маг.

– Факты свидетельствуют против вас, советник. Демон, столь убедительно сыгравший Диксота, лишь свел их воедино и повернул под нужным углом.

Эрей остановился и нехотя обернулся, вприщур посмотрев на Свальда:

– Так вы тоже считаете, что мне нужна власть над миром?

Тот какое-то время молчал, растеряв весь запал и оглядываясь на Братьев, точно ища поддержки, потом покачал головой:

– Не считаю, друг мой. Иначе не пришел бы на помощь. Власть нужна не вам, – он снова помолчал, нерешительно жуя губами, но все-таки отчаялся высказать крамольную мысль: – Не вам, но тому, кто над вами. Звезды...

– Звезды вам не солгали, – кивнул Эрей, открыто разминая пальцы. – Все верно. Но я не слуга тому, кто надо мной.

Стало тихо. Так, что сделалось слышно, как осыпается пыль с потревоженных в схватке карнизов. Двенадцать монахов различного ранга и Силы, практикующих в Столице, испытующе смотрели на темного собрата, взвешивая сказанное на весах осторожности. Потом кто-то из двенадцати спросил:

– Можем ли мы верить вам, советник? По приказу Гласа мы провели цепь ритуалов и выяснили кое-что из вашего прошлого...

Эрей гневно рыкнул и повернулся к Истерро, чувствуя знакомый зуд под ногтями.

– Мы должны были это сделать, – вскинулся в защитном жесте Бабник. – Умоляю, советник, успокойтесь! Я исходил из ваших собственных расчетов, касающихся магов Камней, мы

просто вычислили седьмого, вычислили и ужаснулись, ведь по нашим летописям он давно мертв!

Маг молчал. И Истерро поспешил заполнить паузу потоком слов, отвлекающих от возможного поединка:

– Послушайте, кто он для вас? Вы же до сих пор его прикрываете, держите имя в тайне, какую власть он имеет над вами? Мы хотим лишь помочь, советник, мы – хранители древнего знания и способны разрушить многие ритуальные связи! Однажды вы отступились от него, отрекитесь и теперь, объединитесь с Братством, и мы избавим мир от опасности! Ну же!

Голос Истерро звенел, наливаясь Силой, глаза разгорались двумя *изумрудами*, всю залу затопило причудливым зеленым светом, но маг теперь знал, с кем беседует, и был настороже, утроив защиту. Все красноречие Истерро, весь его опасный и притягательный дар разбивался о броню равнодушия. Эрей слушал молча, но на последних словах иронически выгнул бровь:

– Избавим мир от опасности – по-Божески?

Монахи задумались, морща лбы, Свальд сообразил первым, о чем идет речь, и в ужасе вскричал, вздев холеные руки:

– Боже Единый, Боже Ушедший! Спаси и сохрани!

Вслед за этой молитвой на колени пали остальные, бледные и напуганные всерьез, осеняя себя благой Единой чертою. Эрей удовлетворенно кивнул:

– Ну так оставьте темное – Тени. И оставьте Тень – в покое.

– Мы не можем остаться в стороне, – воскликнул в отчаянье Ерэм. – Вы были государю вместо отца, вас считала своим другом госпожа Рандира, а теперь, после вашего землетрясения, мы не можем связаться ни с Императором, ни с государыней! Мы слышим город, только город, понимаете? Мы будто отрезаны от прочего мира! Даже звезды противоречат друг другу!

Эрей нахмурился и осторожно присел на скамейку у двери, потирая плечо:

– Не могу утверждать, что моей вины в катастрофе нет. Но и брать вину на себя не стану. Значит, вы потеряли Рада?

– Императора, государыню, всю их свиту, весь остальной мир! – закричал выведенный из себя Ерэм. – Когда же до вас дойдет, советник? Они мертвы? Отвечайте, скорее, не щадите наших чувств!

– Нет, – прислушавшись к себе, заверил Эрей. – За Рада не поручусь, но тревоги не чувствую. Что до Рандиры – она жива и в полном здравии, готов поклясться.

Ерэм пал пред советником на колени и в порыве восторга сделал попытку поцеловать его руку, но маг не позволил, оттолкнул:

– Спокойнее!

– Он связан с государыней на третьем уровне, в сфере судьбы и астрала! – поспешил внести ясность звездочет. – Значит, это правда.

– Они живы! – крикнул один из Братьев, подкидывая свой жезл, и началось безудержное ликование, будто данный нехитрый факт решал все навалившиеся проблемы разом.

– И за это я не люблю Братство, – проворчал Эрей, наблюдая, как монахи возносят хвалы Господу, обнимаются и едва ли не поздравляют друг друга с победой. – Хватит! – внезапно рявкнул он так, что звякнули уцелевшие зеркала. – Молчать! – и добавил в наступившей мертвой тишине:

– Есть работа.

О пути мага Камней

Разнятся судьбы склонных к темной магии. Жрецы, чернокнижники, мракоборцы, ведьмы, заклинательницы погоды – всякие есть дороги в обход Сумасшедшей Аргоссы.

А у магов Камней – путь один. И судьба против воли ведет их к Границе. Суждены им мутация и клеймо, мучительная смерть от яда, воскрешение и посвящение. А иначе пробудившаяся Сила уничтожит, выжжет их изнутри, испортит кровь и поработит душу.

И горе миру, в котором убивающий и творящий *камни* не станет однажды Магом, не обучится сдерживать Силу в узде. Он погубит сначала тех, кто откроет ему свое сердце, а потом изведет сам себя, расходуя энергию жизни на фокусы и пустую волшбу. Оттого испокон веков изгоняют таких из селений и пытаются убить при рождении, когда Сила мала и воля ничтожна.

Ибо смерти мага Камней требует сама суть жизни.

Мало в мире особых магов, творящих и убивающих *камни*. Пальцев рук – в избытке для счета.

Но может, поэтому мир и стоит, не скатившись в черную бездну?

2. Перемены

Муэдсинт Э'Фергорт О Ля Ласто

«Суть Вещей». История Кару. Глава о Магах Камней: путь и распустье

Советник Эрей Темный, наместник Императора, предпочел передать полноту власти отцу Свальду д'Эйль, придворному звездочету.

Братство полностью поддержало подобную инициативу, понемногу уверовав в непричастность Эрея к происходящим бедам. Свальд поломался, предлагая для виду кандидатуры одну нелепей другой, потом не без удовольствия согласился с неременной оговоркой: он станет лишь глашатаем воли советника. Истерро горячо поддержал затею, так как не без оснований считал, что именно звездочет способен завоевать утраченное доверие людей и успокоить город. А поскольку в Столице успел пронестись непомерно раздутый слух о великой битве темного мага с Белым Братством, горожане вознесли молитвы Господу, посчитав сие отречение от власти следствием славной победы Света.

Таким образом был заключен немыслимый доселе союз Света и Тьмы, куда, помимо Свальда и Эрея, вошли также Ерэм и Истерро.

Лейб-медик лично возглавил экспедицию, посланную на погашение растущих очагов эпидемии, мощным Светлым кругом закрыв Заречье от прочих районов Столицы. Истерро отправился с ним, как целитель и как настоятель Храма, коего призвали освятить отстроенные заново дома. Исподволь он проповедовал, применяя свой исключительный дар, и готовые к бунту кварталы, примыкавшие к Цитадели, понемногу приходили в себя.

Свальд, наместник и приближенный к государю придворный, ежедневно принимал делегации от знати и богатых сословий, заверял и успокаивал, рассыпался в славословиях и даже одаривал мелочью вроде святых амулетов, если считал необходимым. Одновременно в городе был распущен слух, что Император жив, находится в полном здравии, гостит в Сельте и скоро вернется в родную Столицу.

Свальду верили, поскольку знали: на его стороне звезды, а Божьи глаза не запылишь, не отведешь никаким темным колдовством. О том, что звезды молчат, горожанам благоразумно не рассказывали.

Отныне Эрей, пристроивший к делу Белое Братство, мог спокойно ходить по городу и заниматься более интересными, с его точки зрения, вещами. Например, пришлыми демонами и трещиной, расколовшей центральный бульвар.

Трещина оказалась неглубока; спустившись вниз на смоляном канате, маг не достиг и первой ступени ада, и хотя временами из нее вырывался грозный гул подземной реки, наводящий ужас на горожан, опасности и темных выползней щель в себе не таила. Маг приказал засыпать ее освященной землей, над которой три ночи читали молитвы все двенадцать Братьев во главе с Истерро. Мастеровой люд заново выложил мертвым камнем мостовую, через каждые три локтя закладывая *серебряную* чешуйку, и лавочники вздохнули, осеня себя Благой чертою: по их просвещенному мнению, теперь можно было не страшиться темных полчищ, готовых вырваться из адской расщелины. Эрея иногда охватывали приступы непреодолимого любопытства: что бы сказали эти почтенные люди, узнав о свободных демонах?

Впрочем, о демонах зареклись говорить вслух, страшась новой подмены.

Эти опасные, изменчивые, подвижные как *ртуть* создания могли оказаться где угодно, кем и чем угодно: стеной, деревом в саду, отражением в зеркале. Братство утратило верный способ чутать Духов за пределами обманчивой Гариты, им приходилось искать заново, пробовать и ошибаться. Зачастую весь поиск сводился к банальной логике, ибо, впитывая все до мелочей, привычки и жесты, голос, манеры, демоны не могли перенять Силы, а главное, не умели читать мыслей и потому ошибались в деталях.

Напуганные Белые Братья, которым всюду теперь мерещились Духи Стихий, перешли на телепатию, и Эрею волей-неволей пришлось подчиниться, открывая голову для всех двенадцати разом. Сам он считал, что в Столице демонов больше нет, ибо во внешнем мире эти твари почти так же редки, как и маги Камней, а большинство надежно заперто в Гарите еще со времен Второй войны, но его слова ставили под сомнение и норовили трижды в день проверить, нет ли и в нем подмены.

Лишь однажды Свальд позволил себе откровенный вопрос на болезненную для Братства тему:

– Этот демон, что ушел от нас... Это он покушался на государыню?

Эрей улыбнулся уголками губ:

– Демоны не меняют Стихии. Этот принадлежал Воздуху. Тот был Духом Воды. Почти Воды.

– Вот даже как! – вскричал пораженный Свальд. – Вы знаете точно?

Эрей пожал плечом, тщась показать, что выжал из слабого отпечатка все, что сумел. Лишь быстрота реакции позволила зацепить этот след, теряющий форму и запах. Фраза «почти Воды» содержала в себе сомнение, а не утверждение, равнозначное приговору.

– Если это так, – не мог успокоиться Свальд, – если данное предположение подтвердится... О, Свашши ждет неприятный сюрприз, именем Рудознатца я смогу призвать его к ответу!

– Оставьте. Не вам и не мне тягаться со Свашши. Не тешьте себя иллюзиями. Его можно остановить, но призвать к ответу? Вряд ли.

Звездочет гневно заходил по кабинету, из угла в угол, потом от стены к окну, провел тонкими пальцами по корешкам старинных фолиантов, потоптался у остывшего камина, но успокоиться и последовать совету не смог:

– Как? – взорвался он к неудовольствию Эрея. – Демоны будут бродить по Империи, покушаться на государыню, представлять нам самого Диксота, а мы смолчим?

– Да, – кратко ответил ему Эрей.

– Но почему? – возопил Свальд, в порыве гнева смахивая с камина бесценные канделябры.

Эрей прищелкнул пальцами, и подсвечники зависли над полом, потом бережно опустились на ковер, а брызнувшие во все стороны капли расплавленного воска слепились в рельефный отчетливый кукиш. Окруженный ореолом горящих фитильков, он поднялся к самому носу Свальда и покачался из стороны в сторону. Звездочет понемногу отдышался и наотмашь ударил по мерзкой фигурке, разбивая ее о мозаичный пол. Ему заметно полегчало.

– Мы не можем призвать к ответу Старейшину демонов, – повторил Эрей. – Друг мой, вы вообще-то задавались вопросом: что происходит в мире? Существует ли Веннисса? Цела ли граница Гариты?

Свальд побледнел, как полы его сутаны, метнулся к окну, будто мог из дворца разглядеть колоннады и храмы Венниссы, молитвенно простер руки, шепча заклятья, потом сник и опустил голову. Губы его заметно дрожали.

– Святая земля уцелела, – прошептал он наконец, – иначе и быть не может! Господь не допустит... Если устояла Столица и ваша треклятая Цитадель...

– Я устал повторять, – вздохнул маг. – И говорить устал страшно, отчего Братство тратит Силу на пустяки? Эпицентр взрыва был в горах неподалеку от Аргоссы. Возможно, в отрогах Мельтских гор. Волна разрушений прошла по Хвиру и докатилась до Столицы, зацепив ее на излете. Я допускаю многие бедствия, Свальд. Возможно, Веннисса цела, ее защищали мощные заклятья, поставленные в древности, когда сила Света была велика. Ее охранял Камень. Устояла Аргосса. Но Гарита? Хон-Хой? Сельта, Олета, Альтавина? Союз семи Княжеств? Что стало с Мельтами и Суровым краем?

Свальд молчал, потрясенный размерами случившейся беды. Он, с трудом принимавший разрушения милой сердцу Столицы, теперь был поставлен перед возможностью потерять весь привычный мир. Не выдержав, звездочет схватился за голову и принялся раскачиваться из стороны в сторону, повторяя, как заклинание:

– Что же делать, советник, что же нам теперь делать?

– Ждать.

– Чего? Боже Ушедший!

– Вестей. Я отослал небольшие отряды во все стороны светотени. Прежде всего попытаемся прорваться в Венниссу, в хранилище древнего знания мира. Там нужно искать подсказки.

– И способ борьбы с Духами Стихий! Боже Единый, я умираю от страха, я полагал, остальной мир в безопасности, советник, ведь где-то там затерялась моя девочка, она же нас предупреждала: затевается что-то страшное, невысказанное. И вот все сбылось по слову ее! Лори, звездочка моя, она же и про демонов знала, недаром прислала государыне Щит, птичка моя, Боже милосердный!

– Мне отчего-то кажется, – попытался успокоить монаха Эрей, – что если ей и грозила опасность, теперь все в порядке. Она жива. Так же, как Рад, государыня, мой побратим.

– Дай-то Бог, услышь он ваши слова, друг мой, вы с рождения моей девочки были ей верным хранителем! Видит Господь, если б вы не были магом Камней, иного зятя я и не искал бы!

– Не стань я магом Камней, – улыбнулся Эрей, – я не дожил бы до рождения вашей дочери. Впрочем, спасибо, ловлю вас на слове.

– Бессердечный изверг, вы еще смеетесь над несчастным отцом!

– Я хочу, чтобы вы вернулись к делу.

Свальд стиснул голову руками, до боли, до зубного скрежета, так, что побелели костяшки пальцев и кровь прилила к щекам. Эрей не мешал, ждал, когда к звездочету вернется способность рассуждать. Тот опустил, наконец, руки и упал в кресло, и стало видно, что отче стар, что он бесконечно устал за последние три семидневка и балансирует на грани отчаяния.

– Мы были последовательны в действиях, – обреченно возведя глаза к Океану вновь заговорил Эрей. – Мы почти решили малую проблему, проблему города. Можно перейти к проблеме страны. Решив вопросы Ферро, мы шагнем дальше, на помощь миру. Кстати, друг мой, ваши окуляры уцелели?

Вопрос был задан безо всякого перехода, и Свальду понадобилась добрая минута, чтобы перескочить с глобальных несчастий на не стоящие внимания мелочи. Он сморщился, сведя к переносице брови, потер в нерешительности подбородок:

– Как вам сказать? И да, и нет. Стекла целы, но какая-то мразь завязала в узел главный телескоп, бесценную старинную вещь, аналогов которой... Не иначе, этот кошмар, этот демон, ведь Диксот заходил, якобы в гости, на чаек, я ведь сердцем чуял подвох!

– А у меня, представьте, лопнули все линзы, – небрежно бросил маг.

Свальд поднял голову и вприщур посмотрел на Эрея, будто силился вспомнить что-то важное. Наконец он жажнул кулаком по колену и расхохотался:

– Вот мы, старые дурни! Ведь у вас же отличный телескоп, краса и зависть, и стоит он в инь-чианьской башне с видом на Мельты, а значит и на Сельту, будь она благополучна! От вас и Веннисса краем видна!

– В Цитадели четыре башни, отче, – поправил Эрей, тая в провалах глаз улыбку. – Из них виден весь Светлый мир. Если мы объединим недостающие детали, возможно, получим нечто путное.

– Я немедленно пошлю за ними! – вскочил Свальд, но тотчас передумал: – Нет, тысяча чертей! Я пойду за ними сам! И вы составите мне компанию, безопасности ради!

– Разумеется, – сухо согласился Эрей.

Через час торопливой ходьбы по городу, то и дело срывавшейся на бег – к крайнему раздражению Эрея, – они подошли к Цитадели, неся в *серебряном* ларце заветные окуляры. У ворот Цитадели тосковал Истерро, подпирая мощную створку и старательно изображая равнодушие. Всем своим видом он пытался показать, что прислонился к воротам оправить сбившийся ремень котурна и вот-вот помчится дальше, но изрытая каблуками земля безжалостно показала, что ждет Бабник целенаправленно и долго.

Свальд напрягся, потом кивнул:

– Это Истерро.

– Я вижу, – пожал плечом маг.

– Я хотел сказать, что это именно Истерро, а не демон в его обличье! – огрызнулся предусмотрительный звездочет.

– А! – протянул Эрей и больше не сказал ни слова.

Они молча прошли мимо посторонившегося Истерро. Эрей не ответил на приветствие, Свальд, понятно, кивнул и поздоровался, но был вынужден поспешить за магом. Монах скривился, будто от пощечины, набрал в грудь побольше воздуха, готовясь проорать проклятья вместо извинений, но Эрей мимоходом обернулся:

– Бабник, мы собираемся восстановить телескоп. Вы с нами? – и снова зашагал по направлению к Башне.

Истерро подавился бранью и пару минут потерянно моргал, пытаясь сообразить, что происходит. С долей отстраненного удивления он увидел, как маг взмахнул рукой, обращаясь к невидимому собеседнику, никого рядом с собой не обнаружил и снова обернулся, не скрывая раздражения.

– Вы идете, черт возьми? – крикнул непонятливому монаху. – Мне некогда копить обиду и принимать извинения!

Истерро бросился вперед, путаясь в сутане, в три прыжка нагнал товарищей и перевел дух.

– Простите меня за обман, – все же выдал он, косясь на Эрея. – Мне не стоило скрываться от вас.

Маг отмахнулся, как от назойливой мухи. Ставки были слишком высоки, чтоб принимать в расчет ложь светлого, возомнившего себя другом Тени. Истерро ждал ответа, мучительно краснея, точно слова могли что-то решить, что-то исправить. Эрей ответил жестче, чем хотел:

– Я привык. Пустое.

– Простите! – снова прошептал монах, опуская глаза, и маг понял, что невольно хлестнул его по открытой ране.

Эрей сбил размеренный шаг, затормозил так, что Свальд впечатался в его спину, и протянул Истерро руку ладонью вверх. Молча.

Истерро робко улыбнулся и, не колеблясь, пожал протянутую руку. Молча.

Свальд покивал головой, наблюдая за примирением и благословляя его. Молча. Он дал себе зарок научиться молчать.

В безмолвии соратники поднялись в Башню и занялись разбитым телескопом. Свальд лишь мысленно поведал монаху о возможном разрушении мира, скупое, как о проверенном факте. Истерро прочел молитву. Про себя.

Эрей слегка покривил душой, сказав, что пострадали только окуляры. На самом деле телескоп получил хорошую встряску, но прочие неисправности были несущественны по сравнению с основной потерей. Бесценные стекла Свальда уцелели по той простой причине, что осторожный звездочет, будучи в прошлом женат на особе взбалмошной и непостоянной, завел привычку хранить объектив и линзы в защищенном ларце. После потери трех комплектов, каждый из которых тянул на полтора ракушечника.

Свальд долго возился с прибором, что-то подкручивал, осторожно рихтовал молоточком; одно из *серебряных* зеркал пришлось заменить за негодностью: пластинку сильно покорежило взрывной волной. При острой нехватке материала ему пришлось изъять зеркальце из изящной пудреницы Истерро. Бабник воздел руки к Океану, призывая Высшую Сферу в свидетели неизмеримых страданий, но жертву на благо общего дела принес без колебаний. Наконец отец Свальд вкрутил объектив и навел трубу на Инь-Чиань.

Все затаили дыхание.

Какое-то время светлейший маг сосредоточенно крутил колесики, покусывая губы от нетерпения, но минуты через две, наполненные томительным ожиданием, бросил гиблое дело с огорченным ругательством:

– Во имя Господа Ушедшего! Боюсь, друзья мои, фокусировка этого прибора приказала долго жить. Я пытался настроиться на Мельтские горы, но увы, увы... Видимо, в падении...

– Позвольте мне, – перебил Эрей, отодвигая звездочета в сторону.

– Прошу, – вымученно улыбнулся Свальд, – вот, полюбуйтесь, сплошные коричневые пятна, никаких деталей!

– Я понял, – согласился маг и принялся менять наводку.

– Да вы с ума сошли! Я помню настройки наизусть! – возмутился Свальд. – Чтобы из Столицы разглядеть в деталях Мельтские горы при мощности вашего прибора...

– Резкость в норме, – спокойно откликнулся маг. – Прошу!

Свальд побледнел как полотно, сжал губы и приник к окуляру.

Взору его открылись горы, четкие, ясные, молодые, какими они виделись, должно быть, на заре мироздания его предкам. Он зацепил взглядом язык остывающей лавы, готовый со временем обрасти панцирем ледника, распадок, обещающий превратиться в зеленое пастбище или суровый перевал, и даже тонкую струну водопада, натянутую от провала небольшой каверны до пропасти, терявшейся за нагромождением новорожденного *базальта*.

За частыми зубцами этих странных, невысоких гор виднелись далекие, будто заветная мечта, снежные вершины иной гряды, словно скол грани иной реальности, могучие великаны, готовые поспорить возрастом с самим Миром.

– Выходит, ваш телескоп мощнее моего, – с оттенком завистливой грусти признал Свальд, – он позволяет видеть дальше Мельт. Да кто бы мог подумать: он позволяет заглянуть за Мельты! Интересно, как? Особая система наведения?

– Не говорите ерунды, – насмешливо прищурился Эрей. – Те снежные вершины – это Мельты, стражи Инь-Чианя. Бабник, в Сельте образовалась горная гряда, хотите посмотреть?

– Еще бы, – любопытный Истерро жадно приник к телескопу. – Ух ты! Никогда такого не видел. Юное горное образование! Свежие склоны, неостывшие до конца потоки, мощный выброс *камней* и *руд*! Даже на глаз я чувю разнополярные векторы, они не дают складке окончательно сформироваться. Невероятно! Сельта отныне богата *рудой*, это минус в общем раскладе сил, ибо Сельта падка на оружие.

Маг кивнул. Когда воинственная держава получает такой роскошный подарок, как молодая *руда*, дающая разум мечам, стоит готовиться к переделу земель. В такие моменты Эттивва-Разрушитель вспоминается особенно остро. Вкупе с последствиями его победного марша по Хвиру.

Княже, упаси от повторения!

– И если это Сельта, – снова подал голос монах, пританцовывая вокруг телескопа, – я знаю, что там за водопадик!

– Вот как? – Свальду удалось, наконец, оттеснить настырного собрата от окуляра. – И что же это, просветите нас, грешных?

Истерро от возмущения притопнул ногой, но быстро успокоился, вспомнив, что от гнева на скулах проступают омерзительные красные пятна:

– Если новая гряда выросла на плодородной равнине Хельд из легендарных скал Готтана, то водопад – не что иное, как истекающее в пропасть озеро Таньян, купальня при священном источнике Тан.

На долгое время в Башне воцарилась тишина, настолько полная, что казалось, будто воображаемый шум водопада приближается, грозя накрыть беспечных с головой. Потом подавленный Свальд сказал в пространство:

– Государыня собиралась провести у источника десять ритуальных дней в посте и покаянии, обращая мольбы к его чудодейственной Силе.

– Мы вернемся к этому вопросу позже, – сухо остановил Эрей.

– У вас нет сердца, друг мой!

– Мертвым оно ни к чему.

– Не ссорьтесь, – мягко попросил Истерро, – вы же сами сказали, у нас нет времени для ссор. Теперь, когда я ясно вижу цель, я попробую дотянуться телепатическим импульсом до источника. Возможно, кто-то из паломников остался жив, ведь недаром это место издревле считается святым, на нем лежат охранные заклатья.

– Да благословит Господь ваши усилия, настоятель! – от души помолился Свальд, осеняя Истерро Единой чертою. – Да сбудутся ваши чаяния!

– Ищите Викарда, – прозаично посоветовал маг, проявляя интерес к эксперименту. – Вам будет проще настроиться.

– А если он мертв? – едва выговорил монах, охрипнув от дурного предчувствия и суеврно творя охранный знак.

Маг дернул плечом и не ответил. То, что побратима нелегко сжить со светотени, он знал не понаслышке.

Истерро готовился долго и обстоятельно. Теперь неудивительно было, что прочие маги не сумели связаться с Императором: тот находился в стране, чьи внешние контуры претерпели столь значительные изменения, что телепатический сигнал, даже усиленный амулетами и молитвами, искажался, постепенно теряясь в пространстве.

Светлый маг заварил себе укрепляющий сбор, воскурил лампадки с ароматическими маслами и благовониями, мало уместными в Черной башне, причастился облаткой, освященной в Венниссе.

– У вас есть какие-нибудь вещи побратима? – деловито спросил он расчихавшегося от благовоний Эрея.

Маг согласно кивнул и спустился в жилые комнаты. Вскоре он вернулся с охапкой всевозможных метательных образований, топоров и кривых ножей. Из общей груды выделялся сломанный *посеребренный* двуручник с оплавленной крестовиной: выглядел меч настолько мерзко, что у светлых тотчас испарилось природное любопытство. Все это богатство, составлявшее малый арсенал охотника за Тенью, Эрей свалил у ног оторопевшего монаха, добавил сверху мятую рубаху с солидной дырой, бочонок пива и грязную перчатку из буйволового кожи, заскорузлую от крови.

– Выбирайте, – обозначил он дружелюбную улыбку.

– А что-нибудь более мирное? – жалобно попросил Истерро. – Носовой платочек? Булавку для плаща? Пару писем, наконец? Я не буду их читать, честное слово!

Эрей скептически выгнул бровь, но честно принялся вспоминать. Платочков побратим сроду не носил, предпочитая утираться плащом и рукавом. Булавки и прочие побрякушки презирал всей душой, писем не писал даже сородичам в Гардарике – не разменивал талант каллиграфа. Пару раз, правда, был пойман Столичной стражей за выведением на стенах храмов разных знаков, но мирными их назвать было трудно.

Истерро скривился и принялся копать в груди *металла* с видом скорбным и обреченным, перебирая сокровища Викарда двумя пальцами через надушенный платок.

– Подождите, – остановил страдальца Темный, растирая переносицу. – Кажется, есть подходящая тряпица.

Бабник взглянул с надеждой почти безумной; маг прошел в кабинет, некоторое время молча и почтительно простоял у стола, скрестив руки особым образом, потом сложил ладони и склонился, коснувшись пальцами лба. Лишь после этого нехитрого ритуала он позволил себе снять со стены кусок бело-черного шелка. Бережно и торжественно, точно знамя, внес полотно в залу и протянул Истерро. На закрепленной в планках из двухсотлетнего дуба эмблеме проступал рисунок: поделенное надвое поле, в верхней части снежно-белое, в нижней – угольно-черное, и серебристо-серый остров посередине.

– Вы намерены взять это, настоятель? – при появлении Эрея Свальд вскочил на ноги и склонился в почтительном поклоне, копируя ладонями жест мага.

– Если эта вещь принадлежит Викарду, да! – чуть удивленно ответил монах, переводя взгляд с одного товарища на другого.

– Это эмблема монастыря, – тихо пояснил звездочет. – Школы Скалистого острова. Но принадлежит она, скорее, нашему темному собрату.

Эрей согласно кивнул.

– На белом поле изображен иероглиф Гуень, означающий кисть, искусство каллиграфии и в целом характеризующий просвещение и Свет. На черном поле обозначен иероглиф Мюрр – меч и темное начало разрушения. В соединении кисти и меча, Света и Тени, пути воина и каллиграфа кроется основная догма Школы, ее способ постигнуть истину. Отсюда серый цвет острова посередине, – все так же склоняясь в поклоне, пояснил звездочет. – Подобная эмблема – вещь крайне личная и выдается за особые заслуги перед Школой. Если решитесь взять ее в руки, повторите все мои жесты один за другим, после чего торжественно поклянитесь, что берете эмблему на время, для спасения одного из подмастерьев.

Истерро недоуменно посмотрел на Свальда, потом на Эрея и решительно спрятал руки за спину – от греха:

– Чем поможет мне символ, принадлежащий темному магу? – спросил он, не скрывая иронии. – Я ищу не темного мага.

Звездочет улыбнулся:

– Просто вы, любезный брат, до этого мгновения не были знакомы с подобными обычаями Инь-Чианя. Но я просвещу вас, я долго жил за Мельтами и, пожалуй, знаю о варварах больше любого из нашего Братства. Вот этот символ, – он едва уловимым почтительным жестом указал на серый остров, – клеймо, если хотите, тавро, коим награждают всех, достигших звания подмастерья и сдавших экзамен. Есть данный знак и у Викарда, но даже не в этом дело. Образ острова выжжен в сердце любого, прошедшего ученичество, даже наш темный друг не смог забыть о нем, хотя оставил монастырь, прервав обучение. Его побратим живет памятью о Школе так же, как и любой из послушников, находившихся в свите Ральта. Брат государыни является Мастером, и, уверен, сердце ее полно любви к монастырю. Нет лучшего способа призвать на помощь всех отроков, подмастерьев, Мастеров, нет *иного* способа, кроме как начертать в пространстве этот знак. Возьмите эмблему в руки, настоятель, проникнитесь любовью к Острову, пропитайте ей свою ауру и просто позовите. Все, кто увидит и услышит, тотчас поймут, что послушнику Шарно нужна помощь, а поняв, отзовутся.

Истерро нерешительно взглянул на Эрея, тот заметно сморщился при звуках бывшего, человеческого имени в сочетании со словом «помощь».

– Просто позовите Святогора, – посоветовал он монаху. – Нам только нашествия варваров сейчас не хватает.

Бабник не стал задавать лишних вопросов, и без них осознав, что получил в подарок истинное имя инь-чианина. Молча он повторил за звездочетом необходимые жесты и поклоны,

слету лоя их глубинный смысл, потом поклялся именем Единого Бога и осторожно сжал в пальцах реликвию.

Свальд навел телескоп так, чтобы тот захватывал водопад, каверну и окрестные скалы.

Истерро огладил рукой черно-белый шелк, прижал к щеке, чуть улыбнулся и запел на древнем наречии. Иероглифы, начертанные на шелковом свитке, слабо вспыхнули, просыпаясь, потянулись к монаху, испытывая веру и право призывать на помощь, полыхнули Сильнее, получив подтверждение. Истерро, Голос Рудознатца, встал у телескопа так, что окуляр оказался на уровне глаз, и, сжимая левой рукой эмблему, правую простер к далеким юным горам.

– Оллайра ма данэг, Святогор! – воззвал он к пространству перед собой. – Оллайра! Оллайра э гессед, ма лэрро! Хэнт то даэрэ, хэнт иллио! Карап хи, карап э оллир! Именем Господа Единого, именем светотени, именами Света и Тьмы по отдельности призываю тебя, Святогор: услышь, узри и ответь мне!

В воздухе вспыхнул знак Острова, ярко, багровым пожаром озарив напряженные лица, насыщенным темным пламенем, отраженьем души Эрея. От Острова потянулись багряные ниточки, тоненькие ручейки, кровавые следы, ведущие в разные стороны, но больше – в сторону Мельт, творя нехитрую паутину, сплетаясь и сливаясь, разделяясь и снова сходясь, все гуще, все чаще. Пять таких тропинок метнулись и к юной горной гряде, к водопаду, к заветной каверне, повели, потянули, маня близкой целью; затем одна из дорожек вспыхнула зеленым пламенем, заиграла *изумрудами*, поймала светлую Силу монаха и влила ее под своды пещеры.

– Все послушники Школы живы, – спокойно, не повышая голоса, констатировал Эрей.

– Тише! – зашипел на него Свальд, опасаясь нарушить транс, но Истерро их не замечал: ухватил *изумрудную* нить, потянул, сжимая длинными пальцами, еще, еще...

И каверна надвинулась, поглощая, принимая нежданных гостей под непрочные своды.

– Слушай, ну что ты ко мне пристал? – услышали маги сердитый бас великана. – Какого рожна пытаешь вопросами?

Он сидел у самого входа в пещеру и деловито сдирал шкуру с барана, еще недавно жалко блявшего среди скал, жертвенного барана, одного из десяти, привезенных в дар Хранителю озера, но избежавшего назначенной доли. Впрочем, выбора бедняге стерва-Судьба не оставила: вместо ножа жреца, знаменитого умением по потрохам узнавать участь не рожденного ребенка, баран попал под сюррикены воина, чтобы украсить скудный варварский обед.

Рядом вырисовывался некто пока неизвестный, вызвавшийся помогать, но лишь задающий вопрос за вопросом.

– Я должен знать, на кого смогу рассчитывать в данной ситуации! – ответил некто, и Эрей тотчас признал интонации юного Даго-и-Нора. – Я убедился, что ты предан государыне и помогаешь ей по мере сил, но даже здесь, среди своих сородичей, ты в стороне. В твоих жилах течет темная кровь, она слишком явно проступает, вот и сторонятся тебя соплеменники.

– Они сканваны, я гард. Прочувствуй разницу и отвали, – сгрубил разозленный Викард и сплюнул в сторонку.

– Ведь и Рандира сканванка, – подавил обиду гордый селт, – но ее ты считаешь, слишком считаешь, даже Ральт ухмыляется в усы!

– Ему-то что? – фыркнул Викард. – Он мне еще виру должен, собака старая, даром что вождь!

– Какую виру? – возмутился Эмберли, уставившись на великана. – При чем тут вира? Признаться, варвар: ты же любишь ее! Любишь государыню, вот и служишь ей верным псом!

– Ну вот, – хмыкнул Викард, окатывая тушу барана водой из святого источника, – свалил-таки с больной головы на здоровую. Давай лучше баранчика оттащим, разделать надо да в котел, жрать охота, в животе урчит, в голове стучит. Знаки всякие мерещатся.

– Святогор! – тихо позвал Истерро, и воздух в башне накалился, вступая в борьбу с пресветлым *изумрудным* сиянием. – Услышь меня, Святогор! Оллайра ма данэг! Оллайра!

Викард круто развернулся, роняя барана, и подозрительно осмотрел ближайшие скалы. Склонил упрямую голову, набычился, точно собрался кинуться в пропасть, и прошипел сквозь зубы:

– Оллайрен то, торриа. Кененг о? Слышу тебя, незнакомец. Кто ты?

Краем глаза Эрей увидел, как отшатнулся, едва не сверзившись в пропасть, Даго-и-Нор, но Викард исхитрился удержать влюбленного селта, швырнуть за спину, прикрывая от неведомого врага.

– Надо же! – не выдержав зловещего тона, хихикнул Истерро. – Шпарит на древнем наречии, точно недруга кроет по матушке! Загляденье, а не варвар!

– Бабник? – тотчас сориентировался инь-чианин, прикрывая глаза. – Значит, Бабник. Эмблемой завладел. Именем моим швыряется. Ну-ка, ну-ка...

Он чуть поднял голову, покрепче уперся в скалы ногами, точно стоял против сильного ветра, посмотрел вприщур, исподлобья, кратко и недобро, рывком поднял руку, касаясь огненного абриса перед собой. Могучая ладонь ушла в открывшийся чаропорт и цепко сжала запястье растерявшегося монаха. Хрустнули слабые кости, Истерро жалобно вскрикнул, а сквозь туман, сквозь натянутый купол взбесившегося воздуха уже проступало, надвигалось, пузырилось перекошенное от гнева лицо инь-чианина, рвался его яростный рык:

– Где побратим?

– Здесь, – спокойно ответил ему Эрей, кладя руку поверх мощных пальцев, грозивших расплющить кисть Светлого Бабника. – Все в порядке.

Пальцы Викарда разжались на краткий неуловимый миг, чтобы вцепиться в узкую ладонь брата по крови. Маг ответил рукопожатием:

– Здравствуй, Святогор.

– И тебе здоровья, – ветер принес далекий хрип; теперь, когда ярость потеряла питавшие ее соки, Берсерк, готовый прорваться в портал, слабел с ужасающей быстротой. – Дотянулся-таки...

Фраза угасла на полуслове, рука великана безвольно разжалась, уходя обратно, к пещере, к хозяину, рискнувшему прорвать все барьеры. Нечаянный портал, вскрытый мракоборцем, медленно затягивался, но маг успел наудачу швырнуть в него заготовленный бочонок пива.

– Вот и поговорили! – сдавленно сказал Истерро, приходя в себя от недавнего испуга и с неудовольствием осматривая налившийся синяк и отчетливые отпечатки пальцев по запястью.

– Как спросили, так и ответил, – дернул плечом Эрей, хмуря брови. – Телепаты, Княже!

Уловив неподдельную иронию, монах вспыхнул и сверкнул зелеными глазищами, но его прервал пораженный звездочет:

– А ведь правда, настоятель! Это был не телепатический, прямой контакт! Я даже не представлял, что подобное возможно, на таком расстоянии, без точных величин поиска, при невыясненных векторах. Какой редкий опыт, друг мой!

– И какой удачный! – буркнул Истерро, краснея то ли от стыда, то ли от неожиданной похвалы, Эрей не разобрал. – А главное, не первый, ничему-то я, глупый, не учусь. Хоть снова на капище не сдернули, изверги, с пустым бокалом и без плаща! Ладно, уговорили: попробую еще раз.

На этот раз он не стал творить сложных пассов, сконцентрировался, сверкнув расширившимися зрачками, и разлившаяся в сумерках таинственная зелень накрыла его с головой. Эрей на всякий случай отошел подальше от купола Силы, нестерпимо светлого, чуждого, готового поглотить зазевавшуюся Тень. Не нравилось ему творимое в башне, даже летучие мыши и воронье покинули гнезда и с протестующими воплями носились в небе над Цитаделью, понося непривычный Свет и не доверяя ему.

– Он жив, – донеслось из зеленого тумана, и снова маг не понял: говорил ли Истерро, думал ли вслух. – Жив и уже хлещет пиво. Неубиваемая порода.

Монах ненадолго замолчал, потом заговорил снова:

– Государыня здорова, ежедневно плавает в источнике. Жрать нечего, запасы на исходе, Викард исхудал и ослаб. Хм... Ослаб, н-да... – чувствовалось, что Бабник вновь трет запястье. – Горы молодые, живности нет, промышленяют чем могут. Сам он ищет дорожку вниз, но тамошние тропы не для бабы брюхатой. Боже Единый, простите, друзья мои! Чертова манера выражаться!

– Рандире незачем спускаться, – припечатал Эрей. – Источник дает ей силы, мощное скопление *руд* и *камней* защищает лучше любых талисманов.

– Советник прав! – подтвердил Свальд. – Чем дольше государыня останется у священного источника, тем крепче станет ее плод и благоприятнее возможные роды. При таких катализаторах благой исход беременности становится вполне возможен, об этом говорилось в составленном мною долговременном прогнозе. Остается решить вопрос с едой, но, полагаю, настоятель, для вас сейчас не составит труда внушить всем присутствующим в пещере воинам, что они вполне сыты и довольны скудным пайком? Пусть продержатся так дней десять, а там, я думаю, мы сумеем...

– Вождя не убейте, – равнодушно хмыкнул Эрей. – Стар он, много старше, чем кажется.

– Эмберли Даго-и-Нор также не обладает достаточным запасом... э... жировой прослойки, – поспешил внести коррективы звездочет. – Селты настоящие худышки рядом с варварами. Осторожнее с ним, настоятель!

– Я попробую, – грустно согласился Истерро. – Хотя это и превышает полномочия, данные мне Первосвященником.

– Пусть побратим спускается вниз! – приказал Эрей, прерывая излюбленный Светом процесс самокопания. – Там он уместнее.

– Я передал, – кротко оповестил монах, и нимб вокруг его чела угас, обрывая контакт. По лбу Истерро тек обильный пот, сутана посерела от сырости; он был бледен, а глаза сами собой закрывались, точно веки стали *гранитными*. Медленно, осторожно Бабник заваливался набок, израсходовав много больше, чем мог себе позволить.

– Красивая эмблема, правда? – спросил теряющего сознание мага Эрей.

Свальд, кинувшийся поддержать друга, с негодованием обернулся и выразительно постукал пальцем по лбу.

– Да, – слабо улыбнулся Истерро, с трудом поднимая левую руку, все еще сжимавшую старинный шелк. – Она прекрасна.

Он поднес знак Школы к самым глазам, сияясь рассмотреть резьбу на планках, но потертые руны снова вдруг воссияли, заставляя прослезиться воспаленные глаза. Истерро моргнул раз, другой. Задышал ровнее, осмотрелся, с интересом прислушиваясь к ощущениям, точно Свет и слезы что-то стронули в его душе, омыли, очистили, придали желание жить. Потом с почтением взглянул на шелк в своих руках.

От кусочка ткани шел ощутимый поток Силы, нестабильной первобытной энергии, на ощупь он оказался живым и столь древним, что монах не удержал удивленного вскрика:

– А ведь его сотворили на Истинном Ю-Чине!

– На острове Шан-Фейн.

– Не может быть! Господь Ушедший! – снова вскрикнул пораженный монах, забывая об усталости и обретая былой румянец. – Выходит, он пережил Вторую Войну? Видел рождение и становление Эттиввы?

– Последнее вряд ли, – покачал головой изумленный метаморфозами звездочет. – Монахи острова Шан-Фейн перебрались в Хвиرو, а затем в Инь-Чиань уже после Вмешательства Богов, когда Истинный Ю-Чинь покрылся первыми ледниками. Святой Эльбер исто

верил, что сумеет предотвратить новое нашествие, привив к варварскому древу черенки просвещенной гуманности. Увы, варвары Инь-Чианя полагались лишь на оружие, отсюда и возникло столь странное обобщение, ставшее эмблемой монастыря, назвавшегося Школой боевых искусств. Вполне возможно, этот знак был начертан рукой самого Эльбера или его соратников, так что вы держите мощный артефакт, настоятель. Впрочем, я на вашем месте не отказался бы и от привычных способов поддерживать Силы, таких, как молитва и медитация.

За время затянувшегося исторического экскурса Темный снова прикинул к позабытому окуляру, наводя телескоп и меняя настройки, пытаюсь рассмотреть, оценить потери и приобретения столь непрочного, шаткого мира. Теперь, когда он твердо знал, что Викард жив и государыня в безопасности, решения потребовали прочие заботы, свалившиеся, точно небо на плечи.

Увы, ряд мелких княжеств, в прошлом вассальных Сельте, ушел в небытие: их города и крепости обернулись грудой камня и пепла, деревни уныло тлели, и толпы погорельцев текли в направлении Сельты. Алер изменил привычному руслу, взял к Юциню, образовав змеиную петлю, некий загадочный знак грядущим поколениям, иероглиф в прочтении Оум. Воды могучей реки, разбуженной, разозленной землетрясением, гневно неслись по равнине, точно по каньону; по всему выходило, что там образовалась обширная щель, не слишком глубокая, но притягательная для Алера. Со временем река обещала углубить и обжить новое русло, уводящее ее сквозь Олету к озеру Пак-Йолли у отрогов Мельтских гор. С Олетой было не слишком ладно. Пройдя по равнине, Алер рвался дальше, сквозь узкую долину, междугорье, где в него, похоже, радостно вливалась вольная некогда Руденка. Он принимал ее воды, вскипал и стремился вниз, оставляя на правом берегу Рудные горы, на левом – горы Пустотные, и вот в этих Пустотных горах назревал, точно поганый фурункул, то ли вулкан, то ли мощный гейзер, грозящий подмыть многочисленные каверны и обрушить старые, тысячелетия назад выпотрошенные рудники. Если не вмешаются вольные демоны, укротители рек, Пустоты рухнут, закрывая воде единственно возможный путь, и Олета превратится в мутное, горячее озеро.

Что-то было не так, что-то инородное попало в несчастные Пустоты, горы норовили выплюнуть, вышвырнуть из сознания мерзкую соринку, не учтенную планом Господним. Маг с удовлетворением отметил небольшой отрог, стремящийся дотянуться до Мельт, вспомнил, как не почуял в горах *камней* и *руд*, позволил себе улыбнуться. Вызвав в памяти сбитого дракона, улыбнулся еще раз. Посочувствовав попавшей в эпицентр Олете, кратко осмотрел Хон-Хой и граничащую с ним Гариту. Здесь все было в порядке. Почти в порядке. Новые скалы не выросли, старые не рухнули. Слегка поплыли очертания Заповедного леса, но это пустяки, мелочь для Белого Братства, подправят, как оклемаются от кратковременного приступа бес-Силия.

Устояла и Веннисса. Защищенная мощными заклятьями и Силой Камня святая земля походила на оазис Света и покоя в душной пустыне неуверенности и панического ужаса. Это была твердыня, способная отбить новые штурмы Судьбы, остров в Океане бытия, коему суждено пережить многие людские потопа. Святой город, кем-то услужливо названный государством, он готов был выстоять против Сил природных и духовных, и соглашался рухнуть лишь вместе с миром Кару, предварительно отчаявшись его спасти.

– Отсюда видна лишь малая часть города, но Веннисса цела, – кратко сообщил маг ведущим диспут светлым собратьям. Те разом забыли об исторических изысканиях и передрались у телескопа за право первым взглянуть на город. – Вот с Эмингой проблемы.

Сообщение об Эминге пропало втуне. Сходящие с ума от радости и беспокойства монахи жадно тянулись к окуляру, заглядывая в него попеременно, чуть меняя наводку и тотчас уступая место с шумными вздохами и победными вскриками:

– Цела, уберег святыню Господь Единый, не попустил разрушения!

– Смотрите, настоятель, я навел на дворец Пастыря и библиотеку: устояли хранилища. Жаль, не все просматривается, стены башни мешают. Смотрите же!

– Площадь восьми колоколен, отче. Боже Ушедший, как она прекрасна! Она по-прежнему лишает рассудка своей непостижимой гармонией!

– Сады живы, сады, Истерро! О, эти колоннады, увитые плющом, эти ярусы, собравшие самые редкие виды растений! И главная обсерватория осталась нетронута. Я знал, Боже Всемогущий, я верил в Твою благодать!

– Взгляните же на нее, советник! Даже ваша темная душа склонится перед величием и красотой Венниссы. Вот она, истинная Сила!

– Как-нибудь, – наблюдая за их возней, сказал Эрей, – я проведу вас в Аргоссу, Бабник. Там вы поймете, что не знали Силы вовсе, и допьяна напьетесь ее концентрата.

Истерро вздохнул и оторвался от телескопа:

– Иногда вы бываете просто невыносимы! Отчего вы не можете понять? Ведь вы тоже любите свою страну, свою ненаглядную клетку. Допускаю, что и она красива в извращенном понимании Тени, полна сырых болот, кишачих лягушками и змеями, где можно позабавиться славной охотой, тихих капищ, где так сладко спится ночами среди стенаний неуспокоенных душ, где много трупов, готовых развлечь заскучавшего некрота. Я так и вижу поля горечавки, среди которых бродят глоссархи и цельконы, непрестанно грызя друг другу глотки, плантации галлюциногенных грибов. Все это, безусловно, прекрасно, я даже готов проследовать за вами в виде экскурсии, но почему же...

– Точное описание, – ехидно согласился маг. – И вы готовы проследовать туда? На третий ярус Темной стороны?

– Я бы не советовал! – быстро крикнул умудренный годами Свальд, предостерегающе вскидывая руку. – Не место светлому магу на Темной стороне!

– Вы зовете меня в ад? – ужаснулся и Истерро, опять бледнея как полотно.

– Пока нет, – успокоил Эрей. – Я предлагаю вернуться к нашим скромным проблемам. – И раздраженно поднял оброненный монахом символ Школы.

– Простите! – затрясся над потерянной реликвией Истерро. – Простите ради Бога, советник, я был так взволнован известием!

Эрей скупно дернул плечом. Они потратили полдня впустую, интересно, сколько еще времени уйдет на столь любимые Светом разговоры?

– Вы правы, – крикнул от телескопа Свальд, стремясь разрядить обстановку, – Эминга на месте! Но я не вижу проблем, если честно. Ну, в одном месте разрушена стена, ратуша повреждена. Так и Столица понесла потери, но мы живы и в безопасности. Если государь во время катастрофы пребывал в столице Сельты, с ним все в порядке! По стране, конечно, природа бунтует, какие-то пылевые бури в округе и лошади мечутся туда-сюда, и что-то взрывается, но в целом картина обнадеживает!

Свальд оторвался от прибора и взглянул на мага. Маг, в свою очередь, с интересом смотрел на него. В затянувшейся паузе Истерро переводил опасливый взгляд с одного на другого, справедливо ожидая подвоха.

Темный расщедрился на вопрос:

– Хотел бы я знать, чем обнадеживает война?

Ответом ему была тишина, нелепая, ошарашенная тишина, придавленная запоздалым пониманием происходящего.

Эмингу, в которой гостил великий Император, покоритель большей части государств Хви́ро, атаковали войска неведомой армии. И предположить, на чью сторону встанут гордые, свободолюбивые селты, не рискнул даже Эрей.

Сага о былой дружбе

В древние времена, когда мир был яснее и чище, и трудились над его совершенством Боги, еще не ставшие единым целым, не было в Кару вражды. Уживались и Свет, и Тень, не стремясь свести Стороны мира. Бродили по светотени свободные маги, неся искру знания Порченной расе. И бок о бок с ними творили, меняя очертания сущего, Демоны.

Были Духи Стихий слабы и переменчивы.

Дарованы были Демонам – крылья и блаженство полета, способность менять эфемерный облик, возможность быть всем и во всем, тринадцать смертей и власть над стихиями.

Были Маги сильны и постоянны, бессмертны, но при этом – бесплодны. И брали власть над стихиями Силой, вскрывая священные *камни*.

Но цель Разумных оставалась единой, и Стихии были едины для всех, оттого горячая дружба связала Магов Тени и Демонов. Лишь светлое Братство страшилось Духов, укоряя за изменчивость облика. И Демоны платили Братству взаимностью, обвиняя в попытках контролировать души. Ибо меняли личины Демоны, оставаясь в душе нерушимыми, точно *камень* или *руда*. И постоянная сердцевина эта, стержень, основа Духа Стихии была слишком уязвима пред светлую магией: открыта всем заклинаниям сразу.

Может, из этого недоверия, крошечного зерна сомнения, подкинутого в пашню восстания Магов, и выросла первая в Мире война?

3. Разговор за чашкой чая

Муэдсинт Э'Фергорт О Ля Ласто

«Суть Вещей». История Кару. Глава о дружбе Магов и Демонов

Разумеется, такой ужасающей, леденящей душу и кровь, ввергающей в отчаяние и безумие, такой вкусной новости, как война, Пресветлые собратья упустить не могли. Свальд тотчас подскочил, как укушенный вурдалаком, звезданул жезлом по химере, сторожащей смотровую площадку, – что очень не понравилось последней! – оправил мантию и торжественно возвестил, что немедленно созовет экстренный Светлый Совет, на котором Братство обсудит сложившуюся ситуацию.

По скромному мнению Эрея, созывать следовало не Совет, а регулярные войска и ополчение, и в обсуждении ситуация не нуждалась вовсе, но маг оставил еретические мысли при себе. Раз уж связался со Светом, следует терпеть недостатки союзников, по мере Сил обращая в достоинства. Пусть играют, дети малые, – можно сыграть по их правилам; пусть упиваются осознанием ответственности за судьбы этого грешного мира. Тень безответственна, ей и карты в руки. Раскинем веером, дура-Судьба?

– Вы с нами, советник? – воззвал звездочет, простирая руки.

Как бы их отучить от величавого жеста? Может, посохом бить без предупреждения? Неплохая мысль.

– Разумеется. Но сначала подтвердите мои полномочия на созыв войска. Маршальский жезл у меня есть, полки сформированы. Мне нужны грамоты.

– Конечно, советник! – вскричал окрыленный мыслью Истерро. – Мы подготовим манифесты и воззвания, лучшим каллиграфам закажем особые грамоты, решим их в патриотических тонах и добавим багрянца, этот цвет...

– Просто подтвердите полномочия! – рявкнул Эрей. – Здесь. Немедленно. Вот перо и бумага.

Свальд не стал спорить, старательно вывел под диктовку необходимые словесные формулы, попытался приукрасить скупые фразы вензелями и виньетками, но покорился воле мага и перестал дурить. Приладил Малую печать и глубоко вздохнул, точно свалил тяжкий груз на чужие плечи. Так оно, по существу, и было.

– Вы правы, друг мой, – постепенно успокоился звездочет, – воюйте вы, вам сподручнее, вы рыцарь и боевой маг. Оставим светлое – Свету. Но Совет я все же соберу, не дело останавливаться на полпути, да и Братья должны знать.

– Совещайтесь, – великодушно разрешил Эрей. – Такой повод!

– Ну почему же вы так нас не любите? – покачал головой звездочет и вышел прочь. Со смотровой площадки было видно, как он торопливо бежит по каменным плитам, цокая котурнами, точно конь копытами, как покидает пределы Цитадели, воздевая руки к небесам.

Эрей проследил за ним взглядом, щелчком пальцев открыл ворота, двойным щелчком закрыл их наглухо.

– А вы не торопитесь усладить душу словесной баталией? – с долей иронии спросил он у оставшегося на балконе Истерро. – Готовите заказ каллиграфам?

– Я бы выпил чаю, – спокойно парировал монах. – И побеседовал с вами, если вы не против. Я чувствую, что вам очень хочется остаться одному, но вы задолжали мне чаепитие.

Эрей окинул равнодушным взглядом горизонт, пару минут напряженно размышлял об испорченном отдыхе, потом смирился и жестом пригласил Истерро следовать за ним. Бабник тотчас перестал крутить телескоп, тщетно гася в глазах зеленых бесенят любопытства.

Маг провел друга в бывшие караульные, которые он привык считать своими личными апартаментами. Здесь было чуть уютнее, чем в верхней лаборатории, а с подвалами и казематами не стоило даже сравнивать.

Анфилада комнат: гостиная, кабинет, спальня. Чистые, ухоженные, затемненные и, в отличие от подвалов, абсолютно сухие. Здесь не было чучел монстров, не болтались сушеные гады под потолком, но стены были увешаны оружием, потемневшими полотнами древних баталий и охотничьими трофеями. В свое время неугомонный Викард попытался пристроить на крюках пару своих «охотничьих» призов, но Эрей наотрез отказался украшать гостиную отрубленной башкой вурдалака, вплавленной в святое *серебро*, или клыком мосторского монстра, жуткого оборотня, забитого в жестокой сече на глазах у пораженных заказчиков. С него вполне хватало кабаньих рыл и рогов оленей, согласно рыцарской традиции развешанных на геральдических щитах.

– Устраивайтесь, Истерро, – пригласил Эрей, указывая на мягкий диван, укрытый шкурой инь-чианьского медведя. – Полистайте книгу, пока вскипит чайник.

Истерро хотел возразить, что при способностях Темного секундное дело сотворить чай ударом пальца о палец, но засмотревшись на мага, азартно чиркавшего огнивом над сосновыми чурками, передумал ломать иллюзию простого человеческого общения. Он неторопливо прошел вдоль стеллажей впечатляющей библиотеки и понял, что обречен, что остаток дней проведет в унылой Черной башне, глотая фолиант за фолиантом. Потом смирился, сообразив, что подобное занятие вполне отвечает его вкусам и извращенным мечтам о долгом отдыхе, замурлыкал под нос нехитрую песенку и вытянул наугад солидный потрепанный том.

Эрей разжег очаг в камине, подвесил на крючок черный от копоти котелок и, с улыбкой взглянув на углубившегося в объемную рукопись монаха, запалил масляный светильник, поставил на столик возле дивана. Истерро буркнул неразборчивое ругательство, видимо, благодарствуя; маг устало опустился в кресло напротив и с облегчением прикрыл глаза, уходя в Океан. Ближайший час был свободен от надоевшей до чертиков болтовни. А котелок, полный заговоренного льда, закипит очень нескоро.

Океан принял блаженную улыбку мага как должное.

Океан многое принимал и многое отдавал, как должное. Ему чужды были жалкие страстишки, порой одолевавшие магов.

Эрей присел на гребне волны и внимательно прислушался к гулу Океана. Не раз и не два он приходил сюда за последние седмицы, слушал, смотрел, урывками, украдкой, пряча сознание от настырного Света. Он искал ответы на вопросы, но находил лишь покой, и покой был неизмеримо прекрасней любых ответов. Он прощупывал следы, старался восстановить связь, но Океан текуч, и никому не удавалось наследить в Океане: следы и связи в Нем не держатся, идут медузами на дно, редким *жемчужом* памяти, каковая присуща даже Силе, наполнявшей блаженные воды.

Лишь шепот порой выживал в Океане, по непонятной прихоти магического ветра, носился над волнами голой Силы, он увлекал опасными мечтами, точно болотный огонек, верный спутник ночной охоты.

...Я не позволю вам умереть...

...Отныне и навеки...

...Кровь станет общей кровью, судьба – общей судьбой, и плоть коснется плоти в назначенный срок. Тому, кто придет, нужен будет помощник, и да сбудется предначертанное звездами...

Летит шепот, стелется над водой едва заметной дымкой, паром воспоминаний. Туман встает, Сильный, впору заблудиться, заплутать, запутаться...

Что начертали ему звезды, Княже? Ему ли?

Кто придет, Княже? Кто, нуждающийся в помощи?

И чья судьба станет общей, чья кровь перемешается?

Не расположен Океан к ответам, Он расположен только к Силе, первобытной, дикой Силе юного мира. Молчит Великий Князь, не откликается, молчит Сын Божий Каменщик, не снизойдя к призыву мага Камней. Станный шепот бередит отравленную душу, стылый шепот в тумане предчувствий:

– Отныне и навеки!

С грустным вздохом маг выбрался из Океана, возвращаясь в сумерки реальности. Тотчас, как по команде очнувшегося генерала, смачно забулькал котелок. Эрей сладко, до хруста потянулся и подскочил, снимая плюющегося разбойника с крюка. Истерро все так же витал мыслями в иных мирах и временах, застряв где-то на половине тома, и маг мимолетно удивился скорости, с какой монах глотал предложенное блюдо. Он заварил чай, не тот благодный душистый напиток, которым потчевал его Истерро в Храме, свой, особый сбор, пропитанный полынной терпкостью, маслами горной пихты и можжевельника, придавшими напитку заметную благородную горечь. Несколько кровавых капель сока клюквы, благой ягоды болот Инь-Чианя, собранной в беззвездную ночь, дополнили букет. И хотя себя маг часто баловал настоем мухомора, волчьей ягоды, а то и травами по сильнее, на светлом друге решил их не испытывать, отложив эксперименты на потом.

Истерро с улыбкой оторвался от книги:

– Спасибо и на этом! – монах склонился в шутовском полупоклоне. – Надеюсь, вы хорошо отдохнули, друг мой.

– Неплохо, – согласился Эрей, отвечая намеком на улыбку.

– Вы странный человек, советник, – снова улыбнулся монах. – Скажи вы сразу, что устали и мечтаете нырнуть в Океан, разве я посмел бы вам помешать?

– Я не человек, – покачал головой Эрей Темный. – Я маг. Маг Камней. Рискнете попробовать?

Истерро осторожно взял чашу, долго принюхивался, потом глотнул, самую малость, каплю на язык, как если бы опробовал отраву с расчетом тотчас вычислить противоядие. Эрей вернулся в кресло и пригубил свою долю «ядовитого» настоя, не скрывая насмешки. Глас Рудознатца вспыхнул стыдливым румянцем, сделал отчаянный глоток и замер, прислушиваясь к ощущениям. Просмаковал и убежденно заявил:

– Недурно, возьми черти всех грешников мира! Вы обязательно напишите мне рецепт!

– Беседа двух домохозяек, – прокомментировал маг, сочась иронией.

– И то верно, – согласился монах, отставляя чашу и скрещивая руки над фолиантом в произвольном защитном жесте. – Прав отец Свальд: вы очень не любите Братство. Почему? Ведь вы образованный маг, вполне способны оценить и наши способы помощи миру, и наши ученые диспуты, рождающие истину.

– Я не способен, – отрекся от комплимента Эрей. – От разговоров я теряю Силы. Порой быстрее, чем от боевого заклятья.

– Допускаю, что это не аллегория. Вы темный витязь, солдат Княжеской армии. И Тени, и солдатам не свойственно забивать голову учеными словами. Но все же это не ответ. И дело не в давней вражде между Светом и Тьмой, живущей доныне в замкнутом круге разделившихся некогда магов, нет, через эту ступень вы перепрыгнули легко, не принимая всерьез. Ваша человеческая память позволяет разделить общий случай и частные исключения. Со многими из нас по отдельности вы общаетесь с оттенком удовольствия. Возможно, ответ лежит в вашем прошлом: вам нанесли обиду и именно светлые маги стали ее источником.

– Вы уверены, что я хочу вам отвечать? – с долей интереса спросил Эрей.

– Нет, – грустно вздохнул Истерро. – Скорее я убежден в обратном, но попытаться стоило для пользы дела.

– Вы уверены, что хотите меня исповедовать? – снова спросил Эрей.

– Только если вы сами решитесь исповедаться, друг мой. Но клянусь: отныне не разглашу полученное знание, не сделаю его достоянием Братства, клянусь вам, простите меня, если сможете, верьте мне, я наделал много ошибок...

В глазах Эрея стило равнодушие; оно занимало зрачки, как сдавшуюся крепость, пробираясь до самого дна тихих омутов, полных чертей и подводных коряг, оно выплескивалось вместе с Тьмой за пределы радужки, жадно заполняя глазницы, и не было в этой бездонной Тьме места для веры. Но где-то под ледяным равнодушием гудела, просыпалась, нарастала боль. Давняя, человеческая. Искала выхода скопившимся гноем.

– Ваше Братство – балаган, – горько заметил маг. – Это и есть причина. Я не люблю шутов. Что до прошлого... Что вы знаете обо мне, Истерро?

Светлый задумался, сморщив лоб и даже не вспомнив об угрозе мимических морщин в столь раннем возрасте.

– Не так уж много, – честно признался он, – хотя два года назад я наводил справки и искал ваши корни. Из любопытства. Если хотите, от избытка восхищения, настолько поразила меня боевая магия в вашем исполнении. Вы сирота, воспитывались дедом. Были женаты, дали имя приемному сыну. Потом ваша жена умерла во время эпидемии чумы, но сын стараниями Братства выжил, вы не можете поставить нам в вину...

– Не ставлю. Я благодарен. Поэтому общаюсь с вами. Со Свальдом. Терплю Ерэма, остальных. Только поэтому.

Истерро обиженно заерзал, изо всех Сил стараясь не придать значения словам, а отточенный в диспутах разум продолжал работать, искать слабинку в доводах мнимого оппонента. Разум подсказал, что оплошность, некогда допущенная Братством, столь велика, что эту вину не смыть даже лучшими духовными порывами, не очиститься, не искупить. И все-таки ответ подсказал не рассудок, сердце, сумевшее впитать чужую боль:

– Из-за Братства вы остались сиротой, пожалуй, эта версия все объясняет.

– Пожалуй, – кратко согласился Эрей и спокойно долил остывший чай в чашу монаха, похожую на кубок, увитый драконьими хвостами. – На этом мы и остановимся.

– Как вам угодно! – Истерро снова склонился в поклоне; он выглядел забавно, на диване, укрытый пледом, согнувшийся в три погибели над фолиантом. Жест был смешным и оттого лишенным балаганщины, жест был искренним, а искренность маг ценил высоко. Светлый немного подумал и, видимо, придя к неутешительным выводам, резко решил сменить тему:

– Раз уж мы заговорили о событиях двухлетней давности...

– Вы заговорили, – педантично уточнил Эрей.

– Раз уж я заговорил о событиях двухлетней давности, – без тени смущения поправился монах, – позвольте спросить: вы нашли мерзавца, наставшего проклятье на государыню?

Эрей хорошо подумал, прежде чем ответить на бесхитростный вопрос Истерро. Но ответил:

– И да, и нет. Есть подозреваемый, к нему тянутся ниточки улики, но уверенности нет, а потому закрутить проклятье на него я не вправе.

– Вы можете вернуть ему проклятье? – почему-то не поверил Истерро.

– Любой магический удар можно вернуть сторицей, – дернул плечом Эрей. – Хватило бы Силы. Мне хватит.

Улыбка мага вышла жестокой.

– Вы вернете ему страшный дар. Или ей? Кем бы ни был проклявший, он... – Монах задумчиво потер кисти рук, сильнее закутался в плед, дрожа, словно в сильном ознобе. – Знаете, я ведь тоже не сидел сложа руки, я уловил общую ауру порчи и последовательно разложил ее на спектры влияния.

Эрей глянул с интересом. В некоторых аспектах методы светлой и темной магии сходились настолько плотно, что невозможно было отличить одну от другой. Порча, сглаз были постоянным предметом столкновения интересов, одной из немногих сфер, в которых Тень стремилась вмешаться во внутреннюю природу мира, не ограничиваясь предназначенными ей внешними границами. Проще говоря, порчу наводили, как правило, люди, Тень ее усиливала или ослабляла, Свет методично снимал.

– Я знаю, – тряхнул завитыми кудрями Истерро, – вам не по Силам уловить саму нить проклятия, вы просто блокируете его, берете во внешнее кольцо, используя мощь Стихий. Но я все же объясню вам суть, друг мой, ведь и вы, и незнакомая мне лично дочь нашего звездочета приняли на себя часть этой порченной судьбы. Так вот, проклятье оказалось довольно Сильно, неожиданно Сильно, но примитивно по сути. Ерэм проделал ту же работу чуть раньше и сделал выводы, недостойные светлого лекаря. Вкратце, спектр порчи сведен к простому действию: ребенок, которого носит государыня, ее убьет. До родов, вызвав воспаление внутренних органов или общую слабость организма, съедая собственную мать, выпивая ее энергию. Во время родов, как это часто бывает и в более простых ситуациях. Если этого не случится, в чем я почти убежден, проклятье настигнет после рождения сына. Ребенку суждено убить свою мать; самое дорогое, желанное существо убьет несчастную Рандиру, и от этого ей не заслониться.

– Если я заверну проклятье на автора... – тихо начал маг.

– Да, – кивнул Истерро, – оно может миновать Императрицу. Но сам автор погибнет от руки родного ему ребенка. Если вы не снимете клеймо с себя, вас ждет та же участь; возможно, причиной смерти станет не младенец, но некто обязательно близкий, даже не знаю...

– Кандидатур много, – прервал его Эрей.

– К примеру, Викард? – осторожно спросил монах, намекая на общую, смешанную в обряде кровь.

– Он может, – улыбнулся маг. – В запарке, сгоряча. Как Темного Ублюдка.

– Да Боже упаси! – отмахнулся Единой чертой настоятель.

Они помолчали, вновь глотая холодный горький отвар и наслаждаясь оттенком безнадежного страдания в букете.

– Интересно, – вдумчиво буркнул монах, – отчего все-таки ему удалось вскрыть чаропорт, к чему столь агрессивная реакция?

– Я же объяснял, – пожал плечом маг. – Как спросили.

– Нормально спросил, – взвился Истерро. – Нормаль-но! По обряду.

– Балаганно, – поправил Эрей с укором. – Сыграли для потехи. Надавили где не надо.

И это через чужой портал связи.

– И что? Это причина мне руку ломать?

– Нет, – вздохнул маг. – Просто побратим – это зеркало, как всякий мракоборец. Увеличивающая линза. Понимаете?

Последний вопрос он задал без особой надежды, но, похоже, монах действительно начал понимать.

Без врожденного отражающего щита, без склонности к преувеличению люди мракоборцами не становились. А если становились, были ими недолго. Тень заведомо Сильнее, быстрее человека, Тень пластична и невосприимчива к боли. Тот, кто решится сыграть с собственной Тенью, вскоре поймет: взять ее можно, лишь подобравшись вплотную, в прямой проекции от источника Света, накрыть в максимально чувствительной точке. Самому стать частью Тени, вдвое чернее законной добычи. Упыри, оборотни, вывертни, прочая нечисть, понаслышке знакомая с Берсерком, твердо верила: лучший шанс выжить – не сопротивляться. Сразу сдать на милость победителя и спокойно уйти на Темную сторону. Не по рыцарским законам, неписанным для грозного варвара, не потому, что без драки и азарта нет, а потому, что Сила сопротив-

ления утраивает Силу атаки, и чем искусней исхитришься куснуть мракоборца, тем уверенней получишь по гнилым зубам.

– Я надавил, и он ответил утроенным давлением, – протянул Истерро, недовольно морщась. – Ай, нехорошо получилось, как же я мог забыть, с кем имею дело? Ваш родич носит странную личину: его трудно принимать всерьез.

– Специфика работы, – снова пожал плечом маг. – Ответьте на такой вопрос: чем питаются светлые на ночь глядя? Молитвой и бичеванием?

– Иногда мы едим хлеб и творог, но чаще обходимся без ужина, – хихикнул Истерро, но тут же забеспокоился: – А почему вы спрашиваете? Неужели время подошло к ужину?

– Ночь на дворе, – пояснил Эрей, – и я бы перекусил перед работой.

– Боже Ушедший! – вскричал монах, подсакивая и роняя фолиант. Он попытался вздеть руки к небесам, но сбился на попытку поймать книгу, потерял равновесие и рухнул обратно, запутавшись в плеле. Эрей расщедрился на краткий щелчок, древняя рукопись вспорхнула зловещей птицей и опустилась на каминную полку. Бабник фальшиво рассмеялся своей неуклюжести и рассыпался в извинениях: – Простите меня, я засиделся, измотав вас разговорами, Бога ради простите, я сейчас уйду, не беспокойтесь, я быстро исчезну...

– Типун вам на язык! – сделал ограждающий жест Темный. – Я вас не гоню, напротив, вспомнил, что вы, наверное, голодны. Из меня никудышный хозяин.

– О нет, – снова вскричал монах, и на этот раз ему удалось вскочить, – я не голоден, и снова прошу меня извинить: навязал вам свое общество, а вам необходим покой...

– Истерро, прекратите! – властным жестом остановил его Эрей. – Переночуете в гостиной. Диван, конечно, уступает вашим перинам, и прелестной прихожанки не обещаю. Но негоже светлому бродить по ночному городу.

– А вы? – все еще сопротивляясь, вздохнул Истерро, боясь сознаться, что его совсем не привлекает прогулка по полночному Заречью.

– Ночь – благое время для трудов неправедных, – кратко улыбнулся маг. – У меня есть холодное мясо, хлебцы, вино и, – он чуть сморщил лоб, – пожалуй, что должно остаться молоко. Козье.

– Откуда у вас молоко? – удивился Истерро.

– Вы уверены, что хотите услышать ответ? – серьезно уточнил маг.

– Нет! – быстро вскрикнул монах, тотчас представив, в каких ритуалах используют новорожденных козлят. – Вопрос был риторическим. Что ж, если я вас не стесню...

– Ничуть.

– ...я съем хлеба с молоком и заночую на диване. Если честно, я впервые сплю на темной территории, просто так, в гостях, не в качестве сиделки, и мне не по себе, совсем немного... Впрочем, после той ночи с усмирением Бертрана, – помните? – мне, пожалуй, нечего бояться.

Эрей кивнул и скрылся в коридоре, не тратя Силы на материализацию продуктов. Оставшись один, Истерро зябко поежился, подкинул поленьев в камин и, поразмыслив, потянулся закрыть окно. Откинул плотную гардину, коснулся пальцами дубовой рамы и с громким криком отдернул руку: из темноты, ощутимо плотной и вязкой, на него смотрели хищные глаза.

«Оборотень! – мелькнула шальная мысль. – К ночи был помянут! Вернулся!» На грани рассудка вертелась гениальная задумка позвать Эрея, но воплотить сей смелый замысел не удалось: тварь за окном ответила не менее пронзительным воплем, пробила витражное стекло и ворвалась внутрь.

Истерро невольно пригнулся и все же заорал, но хрипло, едва слышно, не совладав с дыханием. Вряд ли кого-то в жизни он боялся больше, чем оборотней, ужас в нем оказался столь Силен, что повредил внутренний блокиратор магии. Разум отказывался повиноваться, Сила шла толчками, сгустками, не банальная телепатия, не внушение, но попытка взять под контроль всю Цитадель и обратить ее к Свету, накрыть Двойным щитом, завязав заклетье на

себя. Наверху, в дозорной башне, вспыхнули Светлые круги, не стертые запасливым Эреем, полыхнул Круг, описавший Башню, потек по щелям *изумрудный* туман, и Цитадель дрогнула. Древние, пропитанные Тьмой и кровью стены зашатались, норовя смести излишки Света, завалить, загасить под обломками источник магического возмущения.

С крыши посыпалось битое стекло, кто-то взвыл, кто-то шаррахнулся прочь от Башни, закружилось, загалдело воронье, что-то моргнуло, шелкнуло, натянуло вожжи. Плавно, будто крыльями, взмахнув переплетом, рухнул многострадальный том, чтобы вновь воспарить, не коснувшись пола... Стало холодно, резко, до дрожи, отрезвляюще. И Истерро опомнился, гася заклатья. Медленно, неторопливо текли к нему сгустки заиндеветшего Света, растягивались, точно щупальца гигантского спрута, обвивали, возвращая остатки энергии. Невыносимо медленно приходила в себя Башня, и заговоренные мертвые камни становились на привычные места, норовя прикрыться древним лишайником. Снова зазвенело стекло, собираясь во фрагмент витража, поплыло к потолку снулой рыбой. Монах чуть обернулся, растянувшись в пространстве вереницей отражений, и увидел в дверях Эрея Темного, гневного хозяина, спасающего от краха собственный дом. Руки мага сновали с неизъяснимой быстротой, закручивая ленту времени, сматывая нити в яркий клубок и возвращая реальность на пошатнувшийся пьедестал. В воздухе висела, осыпаясь прахом, обратная формула *яшмы*, и Истерро увидел срез чудотворного *камня*, его нутро, напоминающее кольца древесного ствола, разноцветные, сочные. Умирующие. Кольца таяли одно за другим, возвращая жизнь на круги своя. У ног Эрея блестел глянцевый язык пролитого молока, неторопливо втягиваясь в сходящиеся осколки кувшина.

Впрочем, в глазах Темного читался отчетливый интерес, граничащий с недоумением, точно не случилось раньше магу Камней творить столь сложную волшебку по столь нелепому поводу.

Повод сновал тут же, у подола домашней мантии, повод затравленно пищал, шипел и норовил лизнуть уползающую лужу. Жалкий повод с кожистыми крыльями и неопрятной мордой.

– Нетопырь? – не поверил глазам монах, в ужасе озираясь по сторонам. От удивления Истерро забыл про извечное «простите», что явно пришлось по вкусу Эрею. – Всего лишь нетопырь?

– Ну, не «всего лишь»! – утешил маг, ставя кувшин и корзинку со снедью на стол. – Один из лучших!

Летучий бродяга тотчас прильнул к хозяину, порхнул на плечо, маг почесал тварюшке шею и щелчком отправил на стропила. От шустрого росчерка крыльев время будто оттаяло и совершило скачок сквозь творимые вне его безобразия.

Стало заметно теплее.

– Забавно, но трудно сказать, кто из вас кого напугал.

– Вот дьявол! – выругался Истерро, падая в кресло. – Совсем нервы расшатались, ни к черту. Подумать только: нетопырь! Сколько Силы, моей и вашей!

– Зато решение проблемы любопытное, – одобрил маг, вынимая из корзины свежий хлеб, творог и сыр. Вслед за ними последовал холодный копченый окорок, зелень, бутылка вина и два высоких бокала.

– Вы смеетесь надо мной, – то ли обиделся, то ли огорчился Бабник. – Я чуть не развалил ваш дом.

– Я восхищаюсь, – улыбнулся маг. – Видите, я не знал, что такое возможно. Вы открыли мне Свет с иной стороны, как боевую единицу, если хотите.

– Не хочу!

– Поздно, – отрезал советник. – Вам невдомек, сколько защитных чар я вплел в камни Цитадели. Вознамерься Сам напасть на крепость, ему пришлось бы потрудиться досуха. Вы

же за пять минут, не выложившись и вполонину... Инстави! Страх – серьезная Сила, впредь буду с ним считаться.

– По-моему, мне лучше уйти, – вздохнул Истерро, жадно впиваясь в горбушку, увенчанную сыром. – Я чувствую, что выжат, будто незрелый лимон.

– Незрелый?

– Потому что зеленый, мне в зеркало виден неподобный оттенок кожи!

– Ха! Вам нужно выпить. Мы провели забавный опыт, друг мой. И результаты впечатляют. Вы при желании способны развалить защищенную темную крепость. Я – при желании – заморозить время и повернуть его вспять.

– Это радует.

– Ну еще бы.

Какое-то время они молча ели. Разобиженный нетопырь слетел на стол, кляпча подачку, маг угостил его молоком и кусочком мяса, потом снова смел со стола, пояснив летуну:

– Не время. Подождем остальных.

Зверек кивнул и больше молчаливой трапезе не мешал. Истерро выпил вина, заел окороком и выпил снова. Он начинал учиться плохому на радость темному другу.

Остальные нагрянули в тот сладкий миг, когда маги набили трубки и блаженно устроились у камина, обмениваясь колечками дыма, как иные обмениваются мыслями.

Шесть нетопырей, два крупных ворона и одна взъерошенная галка с подбитым крылом.

Истерро тотчас перехватил страдальцу, пожертвовал толику Силы, осторожно вмешиваясь в переплетение мышц, костей и мокрых перьев, наводя порядок в их соединении друг с другом. Получилось ловко, почти незаметно: подержал в руках птицу и выпустил. Та забила под потолок и втянула голову, посверкивая глазенками и сдавленно вскаркивая. Потом расправила крыло, махнула раз, другой – и слетела вниз, доверительно устроившись подле монаха, угостившего гостью хлебной коркой.

Эрей одобрительно кивнул и расщедрился на хлопок в ладоши.

– Да ладно, – махнул рукой Истерро, и в кои-то веки жест не был наполнен торжественной благодатью. – Просто птица, мозг с горошину. Дело нехитрое.

– Разумеется, – не стал спорить Эрей.

Они неспешно докурили, вскользь оглядывая разноперую молчаливую стаю лазутчиков, потом маг потянулся, отложил в сторону трубку и звонко прищелкнул пальцами:

– Займемся делом. Ты! – он указал на первого мыша, и тот послушно спикировал на подставленную руку, точно сокол на охоте.

Эрей приблизил летуна к самому лицу и долгое время смотрел ему в блестящие бусины глаз, точно пытался усыпить или внушить какую-то нехитрую мысль. Потом кивнул:

– Спасибо. Дальше!

На руку села ворона, раскаркалась, злобно и вполне осмысленно на кого-то ругаясь, но маг заглянул ей в глаза, и птица смолкла, цепенея, точно в трансе.

– Теперь галка!

Эта паршивка неохотно покинула насиженное место у локтя Истерро, но подчинилась, подставляя глаза, застыла маленьким взъерошенным трупиком в пальцах хозяина.

Эрей собирал информацию. Теперь, наблюдая незамысловатую сцену, Истерро понимал, что крылось под фразой: «разослал небольшие отряды». А они-то со Свальдом гадали, какой полк рискнул подчиниться Темному? Мысленно гадали, на расстоянии обмениваясь новостями. А у мага, выходит, своя разведка, так сказать, личная гвардия. Кто знает, может, найдется и малая армия?

«Интересно, – думал Истерро, наблюдая за парой нетопырей, делавших обстоятельный доклад, – сколько нечисти приютилось в Цитадели? Скольких он собрал по городу, терпеливо выискивая Тень в закоулках Заречья? Скольких отбил у азартного Викарда, взяв под защиту?»

Несомненно, здесь живут привидения, наверняка – домовые, не сам же советник доит своих коз и печет хлеб! Кто-то охраняет ворота, то ли отгоняя, то ли отлавливая любопытных для темных целей. Волколаки? Возможно, что так, их ауры едва заметны, тени звериные. Ох, как любопытно, ни один слух не рождается без крепкой опоры, так может, существует армия Тени, способная захватить Столицу?»

– Может быть, – вслух сказал Эрей, и Истерро вздрогнул, отводя глаза. – Все может быть. Спасибо.

Темный говорил с древним вороном, рискнувшим строить выводы, но монаху показалось, что он получил ответ и на свой молчаливый вопрос. Узнать бы, каким образом Эрей сумел прочесть его мысли! Тень не способна к прямой телепатии, редкие виды ее пользуются внушением, подсказывая жертве нужные действия, подталкивая к покорности, но в целом внутренний мир закрыт для порождений Тьмы.

Истерро вспомнил эти редкие виды и снова вздрогнул. Вот ведь... Привязалось! Не к ночи будь они помянуты!

Светлый брат Истерро, Голос Рудознатца, до смерти боялся оборотней. Как раз потому, что Сила их внушения вызывала панический ужас пред возможным собственным бесСилием. Перед покорным шагом навстречу гибели с улыбкой на полоумном лице.

– Хотите, я дам вам оберег? – устало спросил Эрей, оттирая пот и откидываясь в подушки кресла.

– От полоумия? – слабо улыбнулся монах, вновь берясь за трубку.

– От оборотней. От их власти над сознанием.

– Хочу! – почти против воли сказал Истерро и закашлялся, поперхнувшись дымом.

– Договорились.

– Что вы узнали? – Светлый кивнул на задремавшую разведку.

– Ворон видел Дэйва. Хорошая новость.

– Отличная! – восторженно воскликнул монах, зная, как Темный дорожит своим странным конем. –

А остальные?

– Хм... – Эрей тоже закурил, борясь с невольной дремой. – Олета на грани катастрофы. Пустоты вот-вот обрушатся, вся живность стремительно покидает Семь Княжеств, людей не видно. Нужно что-то придумать, укрепить гряды, впрочем... В Сельте война, враг идет из Олеты, возможно, через Олету, пользуясь бедственным положением края. Алер взбунтовался, прибрежные крепости пали, разрушенные великой рекой, и селтское рыцарство не удержало границы страны. Трудно сказать, каков статус Рада, но он жив. Ворон его видел. В Альтавине разрушения по берегам Налвы, но в глубине страны поспокойнее. Там мне подбили галку. Венниса в порядке. Мельтские горы целы, хотя изменили облик. Проблемы с Хон-Хойем. Землетрясение частично разрушило охранные чары, а в Заповеднике есть места, куда лучше не соваться сгоряча. Придется поработать. Антанну почти не зацепило. Как ни забавно, на Истинном Ю-Чине аукнулось землетрясение, сдвинулись ледяные пласты, их взрезали островные гряды. Далеко нетопырь не совался, но, возможно, обнажился Шан-Фейн, было бы любопытно взглянуть. Цинь трясет, как в лихорадке, но Свет справляется. Инь-Чиань стоит как стоял, Мельты погасили волну.

Он замолчал, отдыхая от долгой речи, делая неторопливые затяжки и медленно скользя по верхушке незатейливого сна. Истерро завозился в кресле, захекал, привлекая внимание, и Эрей лениво приоткрыл один глаз.

– Простой вопрос, советник, – Бабник заметно волновался, даже нервничал, – если все так плохо, и в Сельте война, почему мы сидим сложа руки? Вы ведь получили власть, вам передали полномочия, почему мы курим и болтаем о всякой чепухе вместо того, чтоб набирать войско?

– Болтаете вы, – недовольно нахмурился маг. – А войско собирать на ночь глядя – дурная примета, меня пошлют полковые командиры и хорунжие. По весьма неблизкому адресу. Скоро рассвет. Успеем навоеваться всласть. Грамоты заказать каллиграфам.

Истерро покраснел и насутился:

– Признаю, глупо получилось, идиотский колер. Но у меня было мало времени на раздумья!

– Не приукрашивайте войну, – одернул Эрей. – И так глумятся как могут. Мундиры, плюмажи, хоругви... Дурачье.

– Но ведь грамоты – работа каллиграфов! – слабо возразил Истерро. – Их специально заказывают в красивых рамках, в виньетках и награждают...

– Кого? – снова приоткрыл глаз Темный. – Вы в своем уме? Грамота на набор войска – просто письменный приказ командиру полка. Все.

Он помолчал, потом изобразил улыбку:

– Не волнуйтесь, Истерро, войско собрано. Я разослал грамоты сразу, едва набрал Силу. Давайте спать. Пару часов до рассвета нужно потратить с умом.

– Вы же хотели поработать! – уныло заметил монах, переживая краткий выговор так, точно его отчитал сам Рудознавец.

– Хотел, – согласился маг. – Передумал. Устал.

– Тогда конечно! – не стал спорить Истерро, поднимаясь с кресла. – Мне устраиваться здесь?

– Да, – маг резко, по-особому хлопнул в ладоши.

Из ниоткуда, из зябкого воздуха, из сонного пламени появились маленькие человечки с локоть росточком, засновали туда-сюда, засуетились, угодливо заглядывая снизу вверх, в осунувшееся лицо Эрея. Маг слабо, едва заметно улыбнулся им и кивнул на диван. Человечки заулыбались в ответ, точно орден получили, один на всех, огромный, шоколадный, кинулись выполнять поручение. Истерро едва успевал следить за их возней, чуть отвлекся, а диван был застелен черной шелковой простыней, подушки взбиты, и тончайшее шерстяное одеяло, легкое и теплое, заправлено в благоухающий лавандой пододеяльник. Выскочившие из камина саламандры забрались на диванчик, крутя знаки от дурных снов и грея постель для гостя. Четверо деловитых домовых собрали со стола, подхватили за углы поднос с грязной посудой, скрылись за дверью. Маленький ветродуй взлетел к потолку, приоткрыл окошечко – проветрить. Карликовые тролли стащили с ног Эрея и его гостя сапоги, смешные оборотни-еноты размяли ступни и обули в мягкие меховые тапочки.

– Что б я без вас делал! – похвалил малую братию Темный, и те снова заулыбались, принялись мелко кланяться и выражать восторг, рожденный служением Высокому господину.

– Рады стараться, Ваш Темнейшество! – отрапортовал один из троллей.

– Знаю, – кивнул маг. – Отдыхайте.

Бравая команда помощников отдала честь повелителю и бодро затопала к выходу из покоев. Вслед за ними сорвались и лазутчики, не без оснований полагая, что в поварне найдется, чем подкрепить угасшие силы.

Истерро терпеливо дождался, пока за ними закроется дверь, и расхохотался. Смех его был сродни истерике, он лился неудержимо, широко, точно река в половодье, и рассудок едва держался на плаву.

– Они... – выдавил Бабник, утирая слезы, – они... такие забавные, ваши крошки. Просто новый вид разумной живности! Вот уж не думал, что такое существует в природе!

– Не существует, – дернул плечом Эрей и вошел в кабинет. – Это заклятье, – добавил он, возвращая на законное место эмблему монастыря, с поклонами и малопонятными жестами.

Истерро тотчас оборвал смех и шагнул следом за магом:

– Заклятье? Что вы хотите этим сказать, советник?

Маг снова дернул плечом и посмотрел исподлобья. Должно быть, хотел узнать, как еще можно трактовать слово «заклятье», но поленился спросить.

Светлый нахмурился. Помолчал, кусая губы, но вопрос, вертящийся на языке, удерживать не стал:

– Значит, вы потратили часть Силы на уменьшающее заклятье, я вас правильно понял?

Эрей кивнул. Он страшно устал, и по большей части от бесконечных разговоров, но неугомонный Бабник сочувствия не проявил.

– И если вам придет в голову шальная мысль, – развил тему монах, – вы просто снимете заклятье, и на Столицу обрушится войско горных троллей, саламандр, оборотней? Так?

– Вы забыли ураганника, – обреченно вздохнул Эрей. – И не видели пробирки с вампирами, обращенными в комаров.

– А еще в арсенале имеются привидения и волколаки, возможно, рыси, я не Силен в этой области...

– Пока не Сильны. Изучите. Поймите уже, Бабник: чтоб покорить вашу жалкую Столицу, мне помощь не нужна. Но и Столица мне тоже не нужна. Спокойного рассвета.

– Как эту мелочь терпит Викард? – вслух удивился Истерро, покорно выходя из кабинета. Он не слишком рассчитывал на ответ, но Эрей сказал:

– Они смешные.

– Спокойного рассвета, советник, – Истерро обернулся, церемонно поклонился, прикрыл дверь и принялся неторопливо стягивать мантию, терзаясь отсутствием привычных кремов и притираний. Залез в согретую нечистью постель, устроился поудобнее, всей грудью вдыхая свежий утренний воздух и с наслаждением зевнул. В узкую щель пробивался тоненький лучик света и видна была тень. Тень мага за письменным столом, творящая невыразительные пассы над бумагами.

Какое-то время светлый маг отрешенно наблюдал за Тенью, потом закрыл глаза и провалился в сон.

Сон был на удивление светлым.

Истоки вражды

Не доверяли друг другу светлые маги и Демоны, ждали колючей беды.

И беда пришла, долгожданная.

Первыми возродились в потомстве неосторожные светлые маги, поправ решение Божие. Увидели Демоны – творится странное, дети бегают по селению магов, дети, способные к светлой волшбе.

Эти дети без заметных уСИлий ловили свободных Духов, обращали своими игрушками, домиками и качелями, кудлатыми псами, цепными медведями. Дети просто резвились, смеялись, не отличая добра от зла, неправедных поступков от благородной воли.

А Демоны ясно узрели, разглядели наконец изнанку Света, его скрытые тропы и помыслы – в незамутненных деяниях первых детей.

И ужаснулись увиденному. Поняли, что ожидает весь мир, когда подрастет мажье семя. И напали, стремясь восстановить законность, очистить поправленное Слово Божие.

Опечалились мажьи дети, прознав, что Демоны не хотят играть. В балладах поют, это их задумка: спрятать упрямых Духов Стихий, будто игрушки, в ящик. Дети, светлые дети, Сильные внутренней Силой, создали первую в мире клетку, страну Духов и их темницу, – в узкой долине, на малом клочке скудной сухой земли, названной позже Гаритой, обителью Демонов в Хвиро. Взрослые маги смекнули – и уСИлили границы Гариты, не выпускавшей на волю Духов. Взрослые светлые рассудили со свойственной им обстоятельностью и вниманием к мелочам, что исправить уже ничего нельзя, а по бунту и наказание.

– Спасите нас, друзья по Стихиям! – воззвали Демоны к темным магам.

– Помогите нам, братья по мажеской крови! – потребовали светлые маги.

Заметались темные маги между дружбой и кровным родством. Но выбор их лег не в пользу Демонов, ибо Темные вслед за Светлыми тоже нарушили Слово Божие, привили способность к волшбе людям, имеющим животворное семя.

Усилили темные границу Гариты, защищая от былой дружбы будущее потомство свое. Забыли о торжественных клятвах и о служении общим Стихиям. И тогда Демоны собрались в круг, выбрали самого яркого, непримиримого Духа Огня из рядов своих, и стараниями всех сородичей сумел он прорваться за пределы Гариты. Успел воззвать к Свету и Тени. И отыскать других вольных Демонов, чтобы вести их в бой.

Говорят, что так началась Первая в мире война.

С вероломства и предательства магов. С неумения Демонов отступить и принять сердцем чуждые слабости.

Началась с одной клетки и завершилась другой.

Ибо сохранилось в веках: Аргосса, тюрьма темных магов, создана Богами по образу Гариты, в поучение и в наказание. А вражда между Демонами и Магами длится и в наши дни.

4. Хоненское поле

Муэдсинт Э'Фергорт О Ля Ласто

«Суть Вещей». История Кару. Глава о вражде Магов и Демонов

К тому времени, как Истерро проснулся, Эрея уже не было в Цитадели. Монах понял это сразу, едва открыл глаза и попытался послать телепатический импульс-разведчик, ответивший неясной вспышкой где-то за чертой города.

Истерро вылез из-под одеяла, чувствуя себя последним мерзавцем-дезертиром, намеренно проспавшим выход войск на поле решающей битвы, и, хотя он любил понежиться в постели, неуместное сравнение погнало его умыться.

Он проспал! Эта удручающая мысль билась где-то на полпути от головы к сердцу неприятным комком, который никак не удавалось сглотнуть. И то, что солнце еще не скинуло до конца пояс Ясаны, едва успев сменить тревожный *рубин* на жидкое благое *золото*, и отдыхал монах от Силы три часа, ничего не отменяло: солнце очистилось, а он проспал. Вот Эрей, похоже, вовсе не ложился, – должно быть, сочинял пресловутые грамоты да полчаса поплавал в Океане, добирая растраченную Силу. Маг что-то зачастил в Высшую Сферу, и ничего хорошего, по мнению Истерро, это не сулило, ведь Океан имеет дно! Хотя, если верить хроникам, в таком режиме советник протянул сорок звездных кругов, прежде чем оставить Рада и вернуться в Аргоссу.

Невзначай Истерро вспомнил свой сон и рассеянно заулыбался, разом перестав спешить. Зачем, Единый Боже, если уже опоздал? Монахи не созданы для войны, пусть же суетятся те, кто разбирается в ратном деле!

На подготовленном туалетном столике обнаружился *медный* тазик с водой, в меру теплой, такой, как любил светлый, расшитое *серебром* полотенце и большое зеркало в богатой *рудой* оправе. Погрузив руки в ароматную влагу, на поверхности которой мерно колыхались яблоневые лепестки, монах с наслаждением сполоснул лицо и, освеженный, улыбнулся шире, увидев, как наяву, взбалмошное рыжее чудо в восхитительных веснушках. Прекрасная, как лесная фея, девушка смеялась и кружилась, едва удерживая полный подол яблок, и волосы ее пахли яблоками, а в рыжих кудрях запутались багряные листья.

Истерро еще раз зачерпнул воды и опустил лицо в ладони, точно подставляя глаза поцелуям незнакомки, угостившей его яблоком на лесной тропе, проговаривая незатейливую беседу ни о чем, и совсем уж некстати подумал, что, возможно, это судьба, и нужно поговорить со Свальдом, попросить составить гороскоп или просто попросить... Руки его дочери? Истерро рассмеялся: в длинном списке его знакомых была одна птичка-невеличка с удивительной для Хвиры копной *медных* волос, варварка по матери Лоренс д'Эйль! Монах крепко зажмурился, вновь проживая чудесный сон, но тотчас вздрогнул, вспомнив, от чего проснулся. С тревогой посмотрел на свои руки, недоуменно пожал плечами. В бесподобном, божественном сне был лишь один изъян, несуразица, вдруг сломавшая всю картину: у того Истерро, что брел по лесной тропе бок о бок с рыжекудрой красавицей, ногти были чернее ночи, хищные длинные ногти, блестящие точно от лака. Он смотрел на них довольно долго, так, что вдруг проступили охраняющие руны, и монаху стало страшно, да и приветливый лес вдруг оказался Лесом, заповедным Хон-Хойем, и девушка – не просто рыжей, но Рыжей Ведьмой... Как он мог позабыть?!

Истерро вздохнул и осмотрелся. Чего еще он мог ожидать, ночуя на темной территории, в пропитанном темной магией месте? Здесь любой *камень* повернет нечаянную радость во Тьму, обернет кошмаром. Увы.

Умыться сразу наскучило, предаваться воспоминаниям – тоже. Монах наскоро вытерся богатым полотенцем, заглянул в зеркало и горестно вздохнул: сказка закончилась, начиналась суровая реальность. Краткий сон не придал лицу ни свежести, ни красоты. Мешки под глазами,

усталый вид, дряблая кожа – и никаких надежд привести себя в порядок перед выходом на публику! Ни притираний, ни грима, даже элементарных румян, ни-че-го! Продолжение кошмара наяву! Боже Единый, за что караешь? Не за то ли, что связался с Тенью?

Тень мельтешила рядом, рукой подать. Тень корчила презабавные рожи и заглядывала в глаза, ловя намек на одобрение. Еще бы, домашняя армия Эрея сделала все, чтоб угодить Пресветлому гостю, и воду подогрела, и лепестков насыпала, наверняка поймав отголоски сна. Вон и завтрак дымится на отдельном столике: оладьи, блинчики, творог, варенья и джемы в избытке – откуда и взялись в этом мрачном месте, не иначе, домовые расстарались, измученные мясным рационом хозяина. Саламандры вертятся вокруг большой чашки с шоколадом, рядом чай в фарфоровой кружке, и приборы разложены – не придерешься!

Истерро придираться не стал: вежливо поблагодарил забавную мелочь, соизволил надеть мантию, дабы не вкушать пищу в благородной наготе, и, почуяв зверский голод, не чинясь сел за стол. Оладьи оказались выше похвал, вишневый джем на диво хорош, и шоколад сварен по любимому рецепту. Монах стал подозревать, что и здесь не обошлось без телепатии, свойственной хотя бы забавным оборотням-енотам, в реальных размерах вполне безобидным созданиям, опасным лишь в период спаривания, когда человеческая кровь усиливала ощущения партнеров. Это было не самое приятное открытие, но приходилось примириться с фактом: пока Пресветлый почивал, его голова на примитивном уровне была открыта темной шантрапе, учинившей в ней дотошный обыск.

Истерро проглотил оладью и строго воззрился на енотов, тотчас изобразивших искреннее раскаяние. Для собранной Эреем нечисти не существовало в жизни цели важнее угождения любыми средствами: Эрею, Викарду – издали, с опаской и поклонами, – а теперь вот и Истерро. Удостоился, Светлый Бабник, сподобился! Пожинай плоды!

Истерро махнул рукой и принялся пожинать. Он даже сказал бы: пожирать! – но постеснялся. Навевшись, монах набил травами первую за утро трубку и с удовольствием раскурил, чувствуя, как понемногу приходит в себя. Он пускал колечки, в которые норовил просочиться ветродуй, борясь за чистоту воздуха, фыркал в кулак и размышлял о природе уменьшенных Эреем бестий.

Несомненно, вынужденный изъян в размерах заставил их добирать в иных областях, например, в уме и смекалке. Вот, скажем, горные тролли в большинстве своем создания тупые и злобные, упасы, Единый, от тех, кого обстоятельства швыряют на равнину! А эти? Загляденье, а не тролли, умницы, вон, застыли у раскрытой книги, глазки скосили, вроде и прислуживаются за столом, но читают, чертяки, бессовестно увлеченно читают! Что там у них? Ага. «Особенности охоты на троллей в горных условиях», кодекс пятый, дополненный! Рукопись из запасов инь-чианина, не иначе. Как тут оторваться? Вон, глазенками сверкают, едва не хихикают: нашли, значит, местечко, где автор ляпа дал, радуются за сородичей. Еноты – тоже те еще подарочки в природе, а здесь освоили стирку и глажку, мантию, судя по виду, отутюжили на совесть! Домовые не вредничают, саламандры не жгут. Викард все-таки прав: они смешные и полезные, с такими можно иметь дело. Главное, чтоб в голове подобного тролля не вспыхнула жгучая ненависть к хозяину, не родилось желание отомстить за противоестественный опыт. Ох, даже помолиться за это хочется, такие они милые, будет жаль натравливать неугомонного Берсерка. Истерро кинул взгляд на бестий и украдкой коснулся сознания прислуги, чуть подправил, чуть почистил, наставил, так сказать, на путь истинный. Впрочем, ненависти он не обнаружил, напротив, искреннюю любовь к благодетелю Эрею Темному. Ай да советник!

К концу завтрака знакомая галка принесла письмо от Эрея. В краткой записке значилось, что маг ждет Пресветлого собрата на Хоненском поле через час по получении письма. Галка хрипло крикнула что-то домовым, те сразу засуетились и стали сгребать посуду во избежание соблазна съесть еще оладушек. Монах вздохнул и стал собираться, размышляя, где раздобыть лошадь. Из Цитадели до Хонен неблизкий крюк, в час улечься – постараться надо.

Пришлось постараться. Тем более, что лошадь, умница Има, красавица ненаглядная, ждала у ворот Цитадели, нетерпеливо лягая тяжелые створки. Вернувшись в Столицу после боя с хээн-гом – к обязанностям настоятеля, – Истерро поручил кобылу заботам императорских конюхов, изредка выкраивая часок-другой на седмице, чтоб навестить, побаловать любимицу черной горбушкой с солью. А вот теперь, увидев ее под седлом, с притороченной лютней, готовую к походам во славу Света, прослезился и понял, как скучал – и по Име, и по этим самым походам, по ночевкам у костра, скупой брани советника и пространной болтовне великана-варвара. Боже Единый, Боже Ушедший! Как же потянуло беспутного монаха, Белого Бабника, на поиски новых приключений. Даже под ложечкой заныло от рвущей душу тоски. От предвкушения, предвидения. Боже!

Истерро не заметил, как взлетел в седло, забыв о малом росте, о тяжелых котурнах, об опасно треснувшей по шву сутане. Лишь склонился, обнимая Иму за шею, трепля заплетенную в косицы гриву и благословляя внимательных конюхов. Прошелся пальцами по зачехленной лютне, по выпирающему в седельной сумке ларчику с кремами, пристроенному поверх груды мантий, – и благодарно улыбнулся заботе звездочета, отца Свальда д'Эйль. Во второй сумке нашлись травы, целебные настои, молитвенник, благовония и запас облаток на все случаи жизни. С таким багажом можно отправляться в самый дальний и, избави Боже, опасный путь, и хотя Истерро знал, что встретит Свальда на Хоненах, древнем поле феррских военных парадов, чуял он и то, что получил негласный приказ следовать за Эреем Темным и помогать ему в меру Сил Света. Впрочем, склонный к авантюрам монах, Глас Рудознатца, поехал бы за магом и без лишних приказов, из одного неумемного любопытства.

Он махнул рукой забавным прислужникам, те засуетились, счастливо кланяясь на прощание, и ворота Цитадели захлопнулись сами собой. Намертво.

Истерро чуть тронул пятками бока сивой кобылы, та только фыркнула в ответ, всем видом силясь показать, что не ради пинков ждала хозяина у Черной крепости и дело свое знает без глупых советов. Кратко и звонко заржала, вытянув узкую морду к небу, и взяла с места широкой рысью, цокая подковами по деревянным «шашкам». Серым вихрем они пролетели Заречье; люди, спешащие по рабочим утренним надобностям, лишь шарахались в стороны, беззлобно ругаясь вслед, многие всерьез полагали, что светлый вновь спешит схлестнуться в неравной схватке с темным магом, и норовили благословить в спину, исподтишка. Кинжалом милосердия под ребра.

От подобной благости болезненно дергало сердце.

В пять минут доскакав до Тильзы, убогого притока могучей Налвы, монах пересек реку по Пятому мосту и через площадь Биррака-Освободителя рванул напрямую к инь-чианьским воротам, ближайшим к Хоненскому полю.

На поле Истерро был за пять минут до назначенного срока.

Впрочем, он все равно опоздал.

Все были в сборе: и регулярные полки на Хоненах, под хоругвями немислимых цветовых сочетаний, и столичная знать на особом помосте, с которого государь имел обыкновение смотреть маневры. Потихоньку подтягивалось ополчение, шумно устраивалось в сторонке, отягощенное телегами и челядью. Даже Истерро, не слишком искушенный наблюдатель, подивился тому, как быстро составилось войско, как скоро сумели собрать все это разношерстное, разномастное дворянство, отказавшееся от военной карьеры ради спокойной жизни помещиков, но скованное присягой на случай серьезной войны. В Ферро редко снисходили до созыва ополчения: увы, в стране, породившей величайшего воителя и стратега, многие рыцари предпочитали биться за скудный урожай, чем заведомо проигрывали вечно голодной и оттого злющей соседке Сельте. И вдруг, без бунтов, без жалоб, в самый пик сезона виноградников...

Много позже, в пути, разговорив и даже выведя из себя упрямец Эрея, Истерро узнал, что призыв ополчению был подготовлен и разослан заранее, после порчи, наведенной на вино-

град, чьи ягоды в одну ночь потеряли сладость, налившись сплошной водой. Происшествие легко списали на катаклизм, мол, землетрясение ударило по корням благословенной лозы, и сила богоугодной грозди сошла на нет. Бывает. Неудачный год. То солнце выжжет землю, то, наоборот, дожди размоют. В этот раз родимую трягнуло так, что трещинами проросла. На все воля Единого.

Вдосталь оплакав загубленный урожай, мелкопоместные вассалы Ферро воспылали жаждой мести к неведомому врагу, наславшему столь лютое бедствие, и закисли в смертной скуке хозяев, оставшихся не у дел. Потому, получив манифест, подписанный наместником, стали рьяно готовиться к походу, вооружаться сами и вооружать челядь, коптить мясо впрок и сушить сухари. К тому времени, как Эрей сложил с себя полномочия, но подтвердил право на созыв войска, помещики аккурат и собрались. Главное, все верно рассчитать.

Впрочем, все это Истерро выяснил позднее, а сейчас просто подивился, передавая Иму с рук на руки чьим-то оруженосцам и норовя бочком втереться в толпу придворных, делавших смотр войскам.

Монах мало смыслил в военном деле. Как уважающий себя светлый он недолюбливал баталии, считая их бессмысленной резней, пролитием бесценной крови человеческой, он чувял за собой призвание встать меж враждующих армий и волей Рудознатца искоренить тягу к игре с *рудой* на веки вечные. Он знал, что Братство активно борется если не с самим способом решения конфликтов, то с попытками усовершенствовать оружие. С ужасом вспоминая вскрытые в тайном хранилище инкунабулы, Истерро раз за разом соглашался: так и только так! Если хотим сохранить этот мир, если... Он ждал заветного приказа Лика, он ежедневно молил Единого о милости. Имея право входа в покои Императора, он мог начать обращение к Свету с него, зачинщика многих сражений столетия, а затем устремить стопы в Сельту, очаг мировых раздоров, потом пойти к варварам Инь-Чианя, и так, потихоньку, неторопливо принести покой в души всей светотени. Приказа все не было. Увы. А теперь, после преступления, после отлучения от высокой должности, если и случится чудо, он окажется в стороне.

Сначала Светлый пристроился в задних рядах, старательно делая вид, что стоит он тут давно, заскучал даже, задремал, а потому не высовывается, но у помоста творилось некое действие, сродни обряду, и любознательность вновь подвела монаха. Он начал осторожно пробираться вперед, используя малый рост как средство убеждения, да и не каждый вельможа рисковал шипеть на настоятеля Центрального Храма. Знать сторонилась, министры наступали на ноги хранителям ключей, а Бабник улыбался и проталкивался все ближе к краю, пока не встал бок о бок со Свальдом, новым наместником Императора. Свальд приветствовал его радушной улыбкой и шевельнул бровями в сторону Эрея Темного.

Маг принимал рапорты полковников. Сменив мантию на походный плащ, отягощен единственной регалией – *рубиновым* орденом Фарра Победоносного на рыцарской цепи чистого *золота*, – высшей наградой Ферро эпохи Гарона, при посохе и фамильном мече, Эрей кратко кивал. Отвечал старинными девизами полков, являвшими квинтэссенцию заслуг перед Отчизной. Полковники краснели от гордости и удовольствия, будто им цепляли медаль на грудь, и спешили к хоругвям, тотчас каркавшим что-то в честь полководца. Истерро не разбирал слов, но явственно слышал имя Э'Вьерр, что, в свою очередь, заставляло розоветь бледные щеки мага.

Похоже, в отличие от простонародья и знати, от горожан и столичной гвардии, в армии советника любили, глубоко чтя былые подвиги во славу зарождавшейся Империи. А его доскональное знание обычаев, почти ритуалов военного мира, подкупало сердца. К тому же, как краем уха услышал Истерро, большинство собравшихся на поле помнило Эрея в деле; те ветераны, что прошли под знаменами Рада победным маршем по Хвиро, видели мага и под стенами Эминги, и при осаде Стольрокка, при штурме Роддека и на Дикой переправе, где тот возглавлял резервы, неизменно бывшие в уязвимое место противника. Именно тогда, в тех битвах,

обнаживших, отшлифовавших *алмаз* стратегического гения Рада, возмужала и его знаменитая регулярная армия, пришедшая на смену рыцарской вольнице.

Отчего-то Истерро порадовалось, что мага ценит хотя бы армия. Впрочем, армия была, пожалуй, единственным образованием, чьим мнением по-настоящему дорожил темный советник, в прошлом рыцарь Шарно Э'Вьерр.

Хоругви и плюмажи, значки и гербы, гребни шлемов, ленты на штандартах, – все это, конечно, имело какой-то смысл, но для Истерро значило не больше, чем наскальные надписи на утраченном Братством мертвом языке. Он видел лишь, что на Хоненах собралась в основном конница, и это казалось логичным: следовало спешить, идти форсированным маршем (откуда в голове появилось столь странное сочетание, Истерро не сказал бы и под гипнозом!). В пути могли возникнуть разные сложности, и отягощать армию обозом и баллистами, а также медлительной пехотой было попросту глупо.

Благочестивый монах порадовался, что хоть что-то понимает в творимом суровом спектакле, и даже подумал, что все не так страшно, и что армия, а значит, и война – все тот же балаган, в котором поминутно обвинял Братство советник. Нехитрая драма в убогих декорациях, где сотни актеров по роли должны геройски сгинуть, произнеся прощальный монолог. А потом по сцене пройдет Седая Дева, смочит кровь, как смывают грим со щек, протянет руку и, отвечая тихому призыву, поднимутся ее новобранцы, ее вассалы, чтобы, сомкнув ряды, чеканя шаг, пройти к Калитке в Ее царство.

Нарисовавшаяся в воображении картина была до того прекрасна и печальна, что впечатлительный Истерро сморгнул невольную слезу и должно быть поэтому не заметил появления нового героя пьесы.

Гонца.

А между тем гонец стоил самого пристального внимания. Потому что проскакал перед строем кавалерии на серебристо-серой кобыле, в которой оторопевший Бабник с изумлением признал собственную лошадь, Иму, слегка артачившуюся под крепкой рукой, освобожденную от лишних сумок и священной для светлого лютни! Отец Свальд вовремя положил руку на его плечо, и Истерро смолчал, не сломал момента, улыбаясь деревянной улыбкой и растерянно озираясь по сторонам. Именно растерянность и привычка рассматривать картину в целом спасли гонца от мгновенной расправы. В той стороне, где обворованный монах оставил лошадь, возвышался над толпой довольный донельзя варвар с двуручником на плече! Викард поймал возмущенный взгляд Истерро и расплылся в горделивой улыбке, выдавшей автора дурной шутки, потом махнул рукой и кивнул на пасшегося неподалеку истощенного, измотанного целькона. У темной твари не хватило Сил даже сложить крылья: Дэйв волочил их за собой, жадно собирая чахлаю, затоптанную растительность Хонен, и бока коня вздымались и опадали, точно волны в море.

Истерро понял: твари пришлось нести двойной груз, что, принимая в расчет вес инчианина, было делом нелегким. Монах сочувственно подумал, что не пристало гонцу Императора плестись перед войском на изможденном цельконе, и перевел глаза на Эрея. Тот позволил себе краткий взгляд в сторону Дэйва, гневно нахмурился, но тотчас вновь окаменел лицом, принимая от гонца свиток, украшенный оттиском большой государственной печати.

– Благодарю вас, господин полуполковник! – склонил голову маг и быстро вскрыл печать, разворачивая свиток.

Только теперь Истерро пристальней взглянул на гонца, с трудом признавая в покрытом пылью и кровью юноше господина Дара Гонта по прозвищу Даритель, капитана *Серебряной*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.